

КРОКОДИЛ

№ 8 • МАРТ 1975

На целом ряде предприятий заключение договоров, принятие индивидуальных обязательств превратились в пустую формальность.

(Из газет)

БЕРУТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

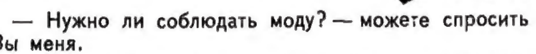
Н. КВИТКО,
специальный корреспондент
Крокодила

ПИСЬМА К НЕЗНАКОМКЕ

«Я ДЕЛАЮ ВЫВОД, ЧТО ВЫ ОЧЕНЬ СЛЕДИТЕ ЗА МОДОЙ. НЕ ПОСЧИТАЙТЕ ЭТО УПРЕКОМ... ПРОЩАЙТЕ».

Андре МОРУА.
Из «Писем к Незнакомке».

Письмо 1-е.

Об одной встрече

В тот вечер я увидел Вас в театре. Вы сидели передо мной, и Ваши белокурые локоны отвлекали меня от напряженно развивающегося на сцене конфликта: быть или не быть новому технологическому методу?..

В один из самых патетических моментов Вы наклонились к соседке и о чем-то спросили. И тут мой взгляд совершенно случайно упал на Ваше элегантное платье. Оно Вам восхитительно шло, такое все зеленое с белым... Я сделал вывод, что Вы следите за модой.

«Но ведь это безумно трудно!» — мысленно процитировал я самого себя и тут же вспомнил цитату из Пьера Буаста: «Мода — это жестокое божество, которому женщины приносят жертвы».

— Да! — решил я.— Я буду говорить с Вами о модах. В письмах. Так сказать, в эпистолярном жанре. Прощайте.

Письмо 2-е.

Нужно ли соблюдать моду?

— Нужно ли соблюдать моду? — можете спросить Вы меня.

— Да, нужно,— откровенно отвечу я,— по возможности...

— Но почему? — спросите Вы.

— Потому что! — объясню я.

И вот Вы идете покупать модное пальто. В ЦУМ. В Пассаж. В универмаг курортторга. В любой другой магазин фирмы «ОДЕЖДА». Вам предлагают пальто из гладкокрашеных драпов артикул 36230 или 36142 производства Черниговского камвольно-суконного комбината. Вы мило наморщили свой очаровательный носик.

Тогда Вам предлагают пальто из драпа под привлекательным названием «Новый», который Ворошиловградский тонкосуконный комбинат выпускает уже около 30 лет.

— Но это уже давно не модно! — восклицаете Вы, и продавец немедленно соглашается с Вами.

Прав был Андре Моруа, когда писал, что женщина хочет красиво одеваться и чтобы нравиться и вообще. Но попробуйте кому-нибудь понравиться или вообще прилично выглядеть в пальто из ткани под шикарной кличкой «термофикс», которую выпускает комбинат «Искож» в городе Нальчике!

— Восемьдесят процентов этих пальто мы переводим во второй сорт или возвращаем Одесскому швейному объединению имени Воровского,— шепотом сообщат Вам товароведы.

— Вы удивлены? — спросят в полный голос швейники из этого объединения.— Мы тоже. Мы не перестаем удивляться, как можно требовать от нас высококачественной одежды из «термофикса», семьдесят процентов которого поступает к нам третьим сортом!

Вы помните, моя дорогая Незнакомка, как хорошо сказал Поль Валери о качестве... Впрочем, нет, он, кажется, говорил о любви. Боюсь, что я тоже скоро переключусь на эту тему. Она как-то благороднее... Прощайте.

Письмо 3-е.

Непостижимое

О Незнакомка моей души, как говорят испанцы! Чем больше я думаю о Вас, тем больше мне хочется беседовать с Вами, говорить, разговаривать... Да, так о чем бишь мы беседовали в прошлом письме? Ага, о гладкокрашеных драпах для женской одежды.

— А почему бы,— со свойственным Вам лукавством спросите Вы,— не выпускать модные ткани?

Милая моя, предвидя эти вопросы, я отправился на Одесскую суконную фабрику, говоря языком Сервантеса, чтобы учинить поединок с тамошними великанами. Руководителям фабрики я задал вопрос, аналогичный Вашему.

— Все очень просто,— ответили они,— на станках СТВ, которыми недавно заменили старые станки «Текстима», и у нас и на других предприятиях Украины можно вырабатывать много тканей, но рельефную или многоцветную ткань производить невозможно.

— Совсем нет?

— Совсем...

У Вас может появиться желание узнать, почему преобладает выработка тканей темных тонов, когда модны яркие, светлые. Знаете ли Вы, моя Незнакомка, что такое оттенок? Так вот, оттенки тканей создаются специальными красителями.

В начале прошлого года по этому поводу были написаны письма. (Правда, то были письма в газету.) Заместитель министра химической промышленности тов. В. Юницкий очень красочно писал о расширении выпуска дефицитных групп красителей. А заместитель министра легкой промышленности УССР тов. Н. Кондаков сообщал, что предусматривалось, мол, обеспечить Одесскую суконную фабрику импортными и отечественными красителями с учетом колористических запросов швейных фабрик и торговых организаций.

Когда я впервые увидел Вас, Вы были вся в зеленом, в изумрудно-зеленом, в прекрасно зеленом. А вот фабрика такого выдать не может. Нет у нее такого зеленого красителя. И алого нет. И бордо. И... впрочем, это уже подробности, и я боюсь ими утомить Вас, моя Незнакомка. Прощайте.

Письмо 4-е.

Искусство обыгрывать смешное

Не приходилось ли Вам замечать, милая Незнакомка, что одежда делает нас иногда смешными? Я говорю о тех случаях, когда сама одежда вызывает ехидную улыбку или даже — ха-ха — откровенный смех.

Представляю, как бы Вы развеселились, если бы Вам предложили пальто высшего качества с подкладкой из дубль сатина ТРЕТЬЕГО сорта! Ну, а швейники? Смеются ли они, когда получают больше половины сатина низших сортов?.. Это, между прочим, стараниями Дарницкого шелкового комбината.

Я бы мог посмешить Вас рассказом о шедеврах фурнитуры — пуговицах и пряжках, отпугивающих покупателей. Представляю, как бы Вы посмотрели на тех, кто предложил бы Вам нарядный костюм из ткани с поперечными утолщениями, разнооттеночностью, загрязненными нитями и мушковатостью!

И знаете что? Вы были бы правы! Потому что Вы женщина и хотите выглядеть привлекательно.

Очень хотелось мне в этом месте сослаться на Бальзака. Но убейте, не могу вспомнить, что он говорил по этому поводу. Прощайте.

Письмо 5-е (последнее)

Об оптимизме

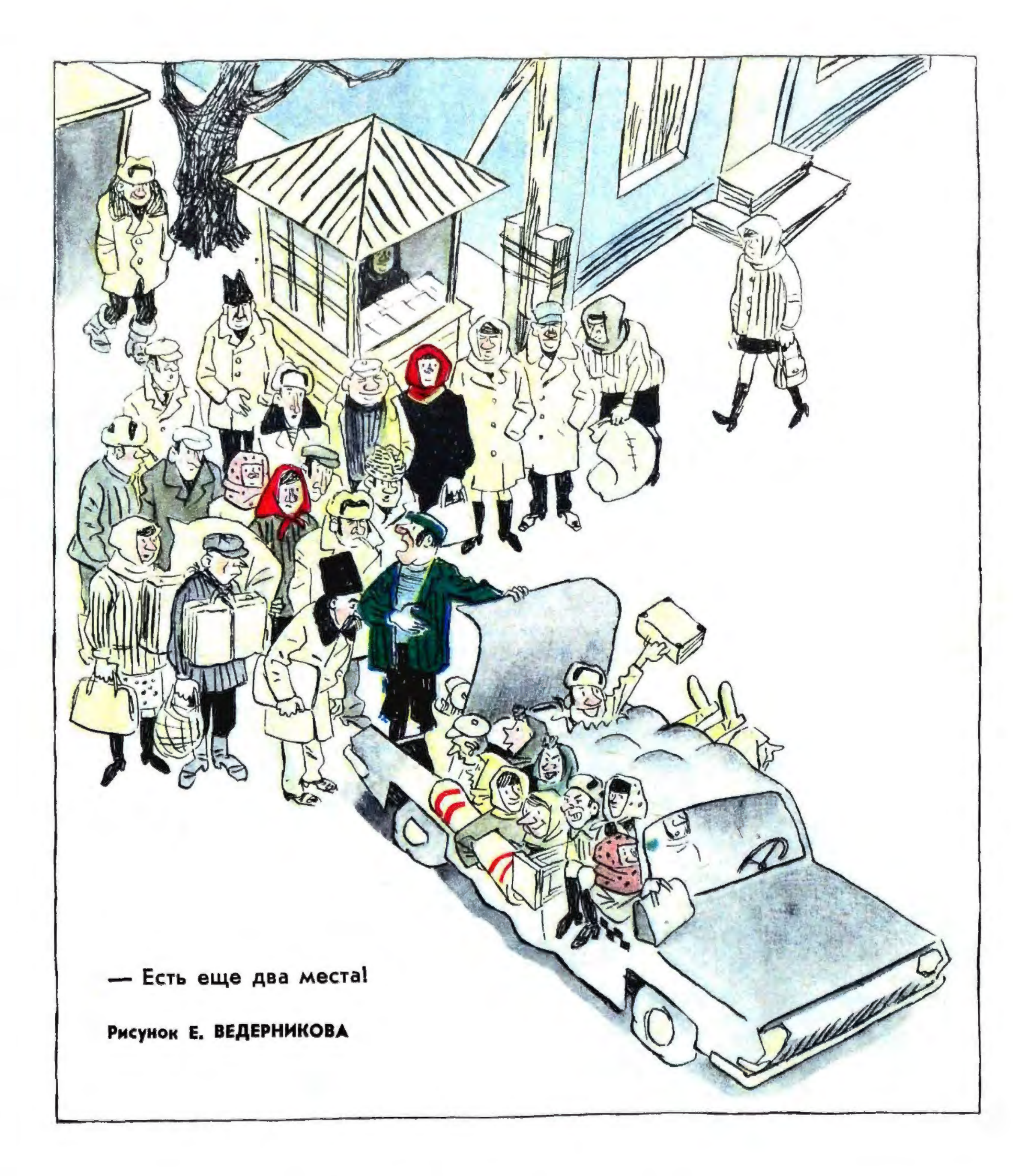
Дорогая, милая моя Незнакомка!

Я расстроил Вас? Не надо. Будьте оптимисткой. Вы должны знать, что есть, что существуют и действуют Центральный научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований легкой промышленности и Всесоюзный институт ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды, что они постоянно думают о направлениях моды и сообщают о них заинтересованным предприятиям. Правда, кажется, они не знают реальных возможностей производства на этих предприятиях. Наверное, это не в профиле их изысканий. Ну и что же! Ведь есть министерства легкой промышленности республик и Союза, у которых определенно это в профиле...

Не помню точно кто, но точно помню, что кто-то сказал: о завтрашней моде нужно думать не послезавтра, а по крайней мере вчера. Золотые слова. А если еще под моду подвести производственную базу, в которой количеству еще соответствовало бы отличное качество, то это уже были бы и золотые дела. Прощайте...

г. Одесса

Личное знакомство с несколькими миллионерами!..
Невиданный эстрадный концерт с участием всех «звезд»!..
Торжество по случаю таинственной Хлореллы-невидимки!..
Это и многое другое вас ждет на стр. 6—7

— Есть еще два места!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Здесь, по-видимому, погибла какая-то цивилизация «СМУ»...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Владимир СВИРИДОВ

Рассказ

МУЖСКАЯ ДРУЖБА

Разговор явно не клеился. Жена ходила по комнате и ждала ответа. Он молчал.

— Ну ладно,— наконец не выдержала она,— я допускаю, что вы вместе с Борисом росли, учились. Но объясни мне, пожалуйста: что вас теперь-то связывает?

Муж нервно постукивал пальцами по подлокотнику кресла и продолжал молчать.

Жена пошла на таран.

— Я кого спрашиваю, Игорь?! Мне не верится, чтобы рядовой инженер с заместителем директора просто так, за здорово живешь дружбу водил. Не к добру это. Он ведь ни разу тебя ни о чем не попросил. И сам ничего не предлагает. Разве это нормально? Все не как у людей. Может, план какой вынашивает, сам говоришь, головастый. Не иначе какой-нибудь подвох готовит. Я же о тебе забочусь, Игорек.

Игорь удивленно смотрел на жену и качал головой.

— Откуда это в тебе, Наташа? Откуда такой рационализм? Неужели ты не веришь в бескорыстную мужскую дружбу?

— Не верю. И исповедую я не рационализм, а реализм. Это ты один идеалист несчастный.

— На-та-лья! — Игорь повысил голос.— Не лезь не в свои дела. Борис — настоящий друг, самый честный человек на свете. Ему просто не повезло, а то он давно уже был бы директором. У него тогда два пацана родилось, пришлось идти на завод, а я в аспирантуре остался. Он ведь голова-парень.

— Нет, это и мои дела! — подбоченилась жена.— Какой дурак будет зря с начальством дружить? Покажи мне такого! Снежного человека скорее в метро встретишь, чем друга, который бы о своей выгоде не думал...

После обеда в кабинет заместителя директора вошел посетитель.

— Привет, старик,— поздоровался он, уселся в кресло и закурил.— Что такой хмурый?

— Да так, ничего. Мне с тобой поговорить надо.

— Валяй.

— Ты пойми, Борис, меня правильно. Мы с тобой знакомы не первый год... И странные у нас с тобой отношения сложились.

— Я тебя не понимаю.

— Скажи прямо, Борис: почему ты ко мне ни разу не обратился с какой-нибудь просьбой?

Борис засмеялся.

— К чему ты клонишь?

— Мы с тобой старые друзья и должны помогать друг другу. Все так делают. И я тебя настоятельно прошу: обращайся ко мне за помощью, иначе обижусь.

— Чудак ты. Ну хорошо, если ты так настаиваешь, тогда ладно. А что ты можешь для меня сделать?

— Хочешь путевку в санаторий вне очереди получить? Похлопочу.

— Не откажусь,— смущенно сказал Борис.

— Ну, считай вопрос решенным,— облегченно вздохнул Игорь.— Эх, Борька, дружище, да разве путевка — это проблема?

Дома Игорь передал жене разговор с Борисом.

— Слава богу, а я так волновалась.— Жена с облегчением вздохнула.— Теперь все у вас по-людски. А ты говорил: ничего ему не надо!.. Ишь, хитрюга оказался... Ты ему, конечно, помоги. И не забудь спросить у своего дружка насчет ондатровой шапки. У него сестра в торге работает. Стыдно заместителю директора в кроличьей ходить...

В это же самое время Борису выговаривала жена.

— Как тебе не стыдно! — корила она его.— У тебя такой друг: все может. Новая квартира нам нужна! А он тебе путевку предлагает...

Святослав СПАССКИЙ

Из жизни Петрова

Рассказ

На углу возле мебельного Петров увидел разноцветную, возбужденную толпу. У Петрова гулко забилось сердце. Он ввинтился в крикливое людское скопище. Внутренний водоворот прибил его вплотную к рыжему и синегубому человеку. Тот азартно вскидывал солнечную шевелюру, оглядывал толпу и, выкликая: «Следующий!» — записывал фамилии в школьную тетрадку химическим карандашом, изредка старательно подкрашивая им рот.

— Петров! — закричал Петров.

— Петров,— записал рыжий.— Двадцать восьмым будете.

— Нехорошо, дорогой,— нахмурил орлиные брови седой грузин.— Я должен быть следующий, а ты только сейчас подошел. Запиши, начальник: Махатадзе.

— Махатадзе,— повторил рыжий, записывая.— Двадцать девять.

Грузин недовольно сказал Петрову:

— Джигит так не поступает.

— А я не джигит,— согласился Петров.— Я и на лошади всего раз ездил, в детстве. И то, помнится, это пони был.

— Джигит и на козе джигит,— гордо сказал Махатадзе и отвернулся, взяв себя за ус.

Петров подождал, пока ажиотаж вокруг рыжего схлынул, и вполголоса спросил его:

— А за чем очередь-то?

— Стенка. Импортная. Фирмы «Сьерра-навахá»,— кратко информировал рыжий.— Результат международной разрядки. Впервые. По нашему заказу.

Петров видел румынскую стенку у друга Миши. Стенка потрясла Петрова. Блистали раздвижные стекла, полки, ящички. В полированных плоскостях изумленное выражение лица Петрова повторялось многократно.

«Тут сервант, и книжные полки, и одежный шкаф,— пыжась, перечислял Миша.— Все детали взаимопереставляемы. Вот сюда задвигается телевизор, а вот он, бар». «Даже бар!» — ахнул Петров. «Как же без бара,— ответил друг Миша,— в Европе живем». Он открыл дверцу и показал Петрову уютный уголок с пустой поллитровкой внутри. На задней стенке бара было вмонтировано зеркало. Оно отражало поллитровку, создавая эффект изобилия.

Вспомнив счастливого Мишу, Петров спросил рыжего:

— Как румынская стенка-то?

— Разница есть. Считай: два шкафа, трехспальный вдвижной диван, сервант, откидные кронштейны под телевизор, секции для запонок, холодильника и эр-кондишна. Внизу — конура для домашних декоративных животных. Слева — бар с секретным запором. Чего-то еще, сразу и не упомнишь...

— Бар с зеркалом?

— Ну! И еще специальные прищепки. Для воблы. Снял ее с прищепки, откупорил «Жигулевского» — и курорт!

— Откуда же там у них вобла-то?

— Да не у них! Говорю, стенка выполнена по специальному заказу наших планирующих организаций.

— Откуда же у нас вобла-то?

— Сейчас нету, значит, после будет. Значит, планирующие организации запланировали, им лучше знать. А пока на прищепках можно фотопленку сушить.

— Да-а, вещь! — уважающе сказал Петров.— А когда привезут-то?

— Вот когда! В том и вопрос. Я уж в дирекцию подкатывался, темнят: не знаем, мол, никаких «Сьерра-навах». Мол, берите наши стенки. Это пожалуйста.

Прислушивающаяся очередь понимающе захохотала:

— Потому и темнят, чтоб свои продать. Наделают ерунды, а спихнуть-то некому. Во-о, ловчилы!

— Шеф, когда проверка-то?

— В шесть утра ежедневно! — авторитетно объявил рыжий.— Буду кричать номер, а откликались чтобы фамилией. Например, вызываю: «Один!» Отвечаю: «Степанов». Я, значит, Степанов. Ясно?

...Петров аккуратно являлся в шесть утра к магазину, с удовольствием слушал перекличку, на возглас «Двадцать восемь!» привычно откликался:

— Петров!

Очередь не двигалась: хитрая магазинная дирекция, видно, зажимала «Наваху», стараясь спихнуть глупым новоселам банальную мебель, но Петров не волновался. Не сейчас, так через месяц, подумаешь. Стенка не картошка, жили без нее и еще поживем. Так же философски рассуждало большинство очередников. Все перезнакомились, незаметно сбились во внутренние фракции по интересам: любители серьезной музыки, собачники, алкоголики, собиратели старинных икон. Петров подружился с соседом сзади — грузином Махатадзе.

— Джигит без хорошей мебели не джигит,— поучал Махатадзе.

— Сакля без мебели — что конь без стремени,— соглашался Петров.

Они стали приходить задолго до переклички. Садились на лавочку, если была теплая погода, задушевно беседовали. В зимние морозные дни укрывались в подъезде противоположного дома. Иногда к ним присоединялся сосед спереди — лысый толстяк с одышкой, сетующий на отсутствие памяти. Боясь забыть свой номер — двадцать семь,— он вытатуировал его на левой руке, под часами, чтобы посторонние не видели.

— А если очередь подвинется? — интересовался Петров.

— Откуда же? — благодушно удивлялся двадцать седьмой.

Но очередь подвинулась. Это случилось в начале мая. Ровно в шесть утра перед рыжим Степановым появился незнакомый молодой человек. Его облегал модный свитер в зеленый горошек.

— Дядя мой, шестнадцатый, скончался,— грустно сказал молодой человек.— Завещал очередь мне. Запишите: Кудашов вместо Бабаева.

— Не торопись, дорогой,— сказал Махатадзе.— Твой дядя уважаемый человек был. В зной и стужу он не покидал свой пост. Но мы не знаем, что за человек ты. Пожалуйста, покажи завещание.

— Он устно,— бледнея, ответил Кудашов.

— А свидетели? — спросил Степанов, рыжий.

— Не было свидетелей,— выдавил из себя Кудашов, уже молочно-белый.

— Иди, дорогой,— сурово сказал Махатадзе.— Надо бы проверить, отчего скончался твой уважаемый дядя. Я знал людей, что ради комфорта отца родного зарезать могли, не только дядю. Но ты иди.

Дрожа от горя и ненависти, Кудашов ушел. Его зеленый горошек, казалось, пожелтел под проницательными взглядами очереди.

— Петров — двадцать семь,— продиктовал Степанов.— Махатадзе — двадцать восемь...

— Придется исправлять наколку,— сказал лысый толстяк, заглядывая под наручные часы.— Напишу так: двадцать семь минус один.

...Последние полгода, появляясь у магазина, Петров прежде всего украдкой искал глазами очень красивую гражданку по фамилии Суховерх, под номером шестьдесят три до изгнания Кудашова, сейчас же — шестьдесят два. Ему казалось, что и она ему симпатизирует. Он здоровался с ней, как и с остальными сьерронавахопретендентами, но и только. Повода к сближению не находилось. Бежали месяцы. Петров отощал от переживаний, хмурился, наконец ранним мартовским утром решился и, хрустя ледком, подошел к ней.

— Простите, это ваш номер — шестьдесят два?

— Мой,— алея, призналась Суховерх.

— Вы не выручили бы меня? Понимаете, моя очередь двадцать седьмая, и я боюсь... я... одним словом, находясь в денежном затруднении... в общем, вы не поменялись бы со мной?

— Но почему именно я? — ахнула очень красивая Суховерх, от счастья покрываясь мурашками.

— Так уж,— врал Петров.— Шестьдесят третий — далековато, шестьдесят первый — слишком близко, а вы вот... то, что надо... Словом, для вас... я...

Он смешался и замолчал.

— Я согласна,— шепнула Суховерх, зашелестев ресницами.

Оповещенная очередь немедленно раскололась надвое. Половина во главе с Махатадзе решительно поддерживала Петрова, считая, что только джигит способен на такой благородный поступок. Противники возмущались поведением Суховерх: девушка не должна принимать столь дорогие подарки от малознакомых.

— Я не малознакомый! — защищал Петров любимую.— Мы с товарищем Суховерх давно знакомы, вот уж шестой год.

— Э! — нехорошо смеялись антиджигиты.— Мы все шестой год знакомы, что-то вы никому другому очередь не уступили.

— В наше время такого не было,— сказала вздорная старушка Семьдесят семь.— Бога забыли, вот что. Если она твоя шашельница, так не позволим за счет общества ее продвигать. А женись, вот и разговор другой будет.

— А женюсь! — запальчиво крикнул Петров.— Если, конечно... если товарищ Суховерх...

Суховерх ярко вспыхнула и, все еще в мурашках, убежала в конец очереди, в девяностые номера.

— Вот! — удовлетворилась Семьдесят семь.— Женишься, тогда разговор другой. Ея, значит, очередь аннулируется, поскольку одной семье две стенки ни к чему. Так оно по-божецки будет.

...Прошло еще девять месяцев. К этому времени окончательно выяснилось, что стенки «Сьерра-наваха» не существует в природе. Официальную справку об этом, заверенную печатью исполкома горсовета, вывесил на двери магазина директор. Ему надоел вечный табор под окнами, который гудел и заслонял продуманно оформленные витрины.

Рыжий Степанов от огорчения завербовался на Крайний Север. Крутя ус, Махатадзе отбыл к себе в Зугдиди, вырвав у супругов Петровых обещание приехать в гости, на чахохбили...

...Петров тащил из мебельного магазина чешскую детскую кроватку, бессмысленно шаря глазами по улице в поисках такси. Под ногами поскрипывал снег. Откуда-то из-за крыш донесся деловитый радиопрогноз:

«...температура в столице двадцать два — двадцать четыре градуса мороза, к вечеру — двадцать семь...»

— Петров! — привычно откликнулся Петров.

Чувашский журнал «Капкан» отмечает свои первые пятьдесят лет. Как и полагается сатирическому журналу, жизнь его была нелегкой. Ведь капкан все время должен быть «на взводе». И тем более приятно, что журнал не только успешно боролся со всяческими недостатками, но и приобрел в этой борьбе настоящую популярность у читателя. И не только у чувашского. Около тридцати тысяч экземпляров тиража идут за пределы республики: даже читатели далекого от нас Красноярского края каждый месяц получают (и надеемся, что удовольствие тоже получают) около тысячи номеров «Капкана».

У журнала несколько сот активных корреспондентов. Многим известным сейчас чувашским писателям журнал дал когда-то «путевку в жизнь». Этот процесс продолжается, и мы надеемся, что новые авторы еще больше поднимут популярность «Капкана» и его зубастые створки все злее будут «защелкивать» еще бытующие в нашей жизни пороки.

Г. ВАСИЛЬЕВ, главный редактор «Капкана».

КРОКОДИЛ ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕТ СВОЕГО СОБРАТА СО СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ.

СЫН ЖЕНИЛСЯ

Рисунок В. ЕРМОЛАЕВА

В. ЕНЕШ

ИДЕЯ В СУХОМ ВИДЕ

В один в общем-то прекрасный день я написал юмористический рассказ. На тридцати двух страницах. Потом сунул его под мышку и направился в город Айвайвай, где выходит сатирический журнал «Тертый хрен».

— Идея хороша,— сказали мне в редакции. — Но длинновато. Выжмите воду, оставьте идею в сухом виде.

Вернулся домой. Долго сидел. Вычеркнул несколько слов. Больше, хоть лопни, никак не могу.

Через неделю я снова появился перед редактором «Тертого хрена».

— Осмелюсь доложить, — отрапортовал я, почти как Швейк.— Ваше указание выполнено: вода из рассказа слита.

— Придется вам открыть кран полностью. Чтоб не осталось ни одной капли, — водопроводчески сказал редактор.

Три дня сокращал я рассказ. Три фразы вычеркнул. Оказывается, очень трудно сокращать, когда все на своем месте и когда редактор зря придирается. Обиделся я и бросил это дело.

Прошло месяца три. Как-то раз меня позвали к телефону.

— Здрасьте. Это «Тертый хрен». Ну как, вы переделали свой рассказ? Да? Отлично! Тут у нас место осталось. Надо срочно в набор. Типография ждет. Бандероль?.. Слишком долго. Идите, пожалуйста, на почту и телеграфируйте.

Пришел я на почту.

— Это?.. — посмотрела на меня телеграфистка. — Все это передавать срочно?

— Да!

— Передать-то, конечно, я передам. Но знаете ли вы, сколько это будет стоить?

Я остановился вовремя. Взял текст и начал сокращать. «Это предложение ни о чем не говорит, — бормочу сам.—Это тоже... И это...»

Из тридцати двух страниц всего несколько фраз осталось.

На другой день редактор позвонил опять.

— Молодец! — похвалил он. — Превосходная получилась юмореска!

А. ФИНЬКО

тоже мне соседи...

Таких соседей, как я, еще поискать надо. Это говорю вам я, Иннокентий Цыськин. Дядя Кеша, по-простому. И если я вынужден был менять квартиру на равноценную в любом районе, то лишь потому, что один из бывших моих соседей, Витька-шофер, как-то встретил меня в подъезде и, спросив: «Дядя Кеша, хотите, я вам морду набью?» — набил. За что и был, хулиган, привлечен.

Жить после такого инцидента в том доме я уже не мог. У меня от одной атмосферы сыпь на лице появилась. Аллергия, по-простому.

Поэтому я и поменял квартиру. И соседи теперь у меня, по-моему, очень милые и порядочные люди. Взять хотя бы товарища из левой квартиры. Я так сразу определил: интеллигент. Седенький, в очках и здоровается. Учитель, как я позже узнал.

Я как-то письмо из его почтового ящика вынул. Не подумайте чего плохого: конверт потом аккуратно заклеил и честь честью обратно положил. Ему какая-то женщина писала: здравствуй, мол, папа, как твое, мол, здоровье, как, дескать, у тебя дела в школе, я, вишь, получила квартиру, на работе меня избрали председателем месткома и так далее... Твоя Лена.

Справа — художник, по-моему. Тоже обходительный человек. С бородкой, но здоровается. Писем пока в его ящике я не видел, а все больше журналы с обнаженными, можно сказать, натурами... Не подумайте чего плохого, а просто эти журналы я принципиально забираю из его ящика. Молод он еще такие картинки смотреть. Я так думаю: пусть медведей в лесу рисует, если он настоящий художник! А может, и поздно уже его воспитывать. Как-то зашел я к нему якобы за штопором, смотрю, а у него какая-то красавица на кухне хлопочет. «Знакомьтесь,— говорит он,— моя жена». «Очень приятно»,— отвечаю. Меня-то на кислой капусте не проведешь...

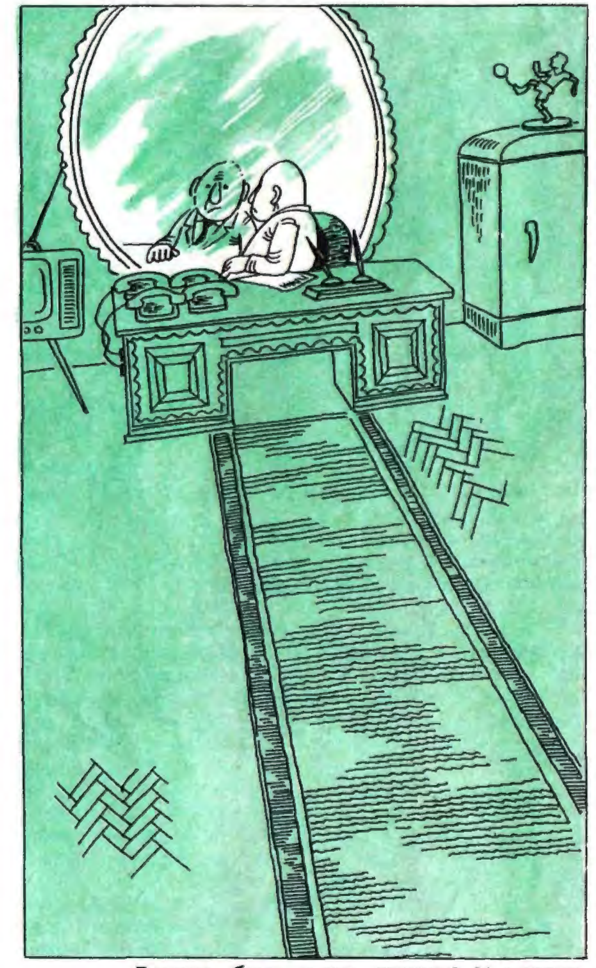
Впрочем, люди они обходительные, и с такими замечательными соседями жить можно. Я потом и через стену их прослушивал — ничего предосудительного: все о каком-то «квазаре» говорят. Надо выяснить на всякий случай, что это за штука.

А ниже этажом, как раз подо мной, токарь живет, многостаночник. Об этом мне учитель сказал. Современный рабочий человек. Он даже по вечерам над какими-то чертежами сидит, рационализирует... Я это в окошко сколько раз наблюдал. Свесишься так с балкона и интересуешься, чем, так сказать, человек дышит. Нет, вы не подумайте чего плохого! Во-первых, жена меня всегда поддерживает, чтобы я, значит, не свалился с балкона. Во-вторых, он же меня не видит — чертит, чертяка этакий!

Вчера учитель опять от той женщины письмо получил. Поздравь, мол, замуж вышла и так далее...

Все они, женщины, такие. Поматросила и бросила...

Я как раз письмо в ящик обратно ложил, когда учитель из квартиры вышел. Вышел, и борода у него почему-то задергалась. И, сказавши: «Иннокентий Свиридович, я вам по морде сейчас надаю!» — надавал. А ведь интеллигент, не чета Витьке-шоферу!

— Трудно, брат, очень трудно! И посоветоваться просто не с кем.

Рисунок Г. ЯКОВЛЕВА

В. ТОЙМАК

В чем соль

Везде киноартиста лики
И гром восторженной хвалы.
А соль: не столь артист великий,
Сколь кинокритики малы.

В. ПЕТРОВ

Карандаш

Прибыл из командировки
Наш завхоз Иван Коровкин.
Притащил с собой Иван
Для семьи большой диван,
Для жены своей — кадушку,
Для сынишки — раскладушку,
Для соседа — патронташ,
Для колхоза... карандаш.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОЗИТИВ

Разнообразные впечатления, полученные от поездки в некоторые колхозы Белгородской области спустя десять лет после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, посвященного сельскому хозяйству; впечатления, подкрепленные веселым карандашом художника А. ЦВЕТКОВА там, где перу авторов не хватало слов.

Конечно, десять лет — это срок. За десять лет можно успеть многое. Заурядный студент может стать доктором наук, если напряжется. Девушка, пунцовевшая при слове «декрет», за это время может сделаться матерью-героиней, если захочет. Слабак — накачать гору бицепсов и сменить на помосте Василия Алексеева, если поусердствует.

Но за десять лет превратиться в миллионера?! Тут, пожалуй, и мистер Дюпон, и герр Флик, и екатоммириухос Онассис, и все подобные им богатеи сделали бы брови домиком — мудрено! Меж тем ответственно сообщаем, что в одной только Белгородской области целый ряд малоимущих хозяйств именно за последнее десятилетие сколотил себе миллионное состояние.

СКАЗОЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Андрей Дмитриевич Михайлов разбогател не чудом. Наследство его состояло из небойкого хозяйства, жемчужиной которого был ветхий птичник, приносящий двадцать семь тысяч рублей в год убытка.

Всякие куры были в этой сараюхе, сохраняемой и нынче в овраге наподобие музейного экспоната. Но Михайлов не стал шукать средь глупой птицы сказочную курочку-рябу и клянчить у нее яичко не простое, а золотое. Председатель колхоза верил, что при правильной постановке дела каждое яичко обернется золотом. И он был прав: поставленное на промышленную и научную основу птицеводство только в прошлом году принесло колхозу 1 миллион 200 тысяч рублей чистого дохода.

Миллионеры, как рассказывают, не шьют себе смокингов из ассигнаций. Одетые неброско, втыкают они в галстук бриллиантик чистой воды или шпинель каратов на десять. По этому-то камушку и ясно, что хозяин в жизни не слабо держится на ногах. Есть заметная деталь и на лацкане пиджака у Михайлова, если вы приглядитесь...

Верно, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, без всяких лишних слов отлично характеризующая человека и дела в его большом коллективном хозяйстве.

СХОДСТВО В РАЗНИЦЕ

Ну, скажите, что может быть общего у трех колхозов, расположенных друг от друга на расстоянии почти сотни километров?

У А. Д. Михайлова в колхозе имени XXI съезда КПСС, Корочанского района, отдано предпочтение птицеводству яичного направления. И, как мы уже сказали, колхоз преуспел в этом.

У Героя Социалистического Труда Д. Е. Маслова в колхозе «Заря», Шебекинского района, главное — комплекс по откорму крупного рогатого скота. Здесь царство симментальских телок и бычков, красавцев с печальными глазами.

А в колхозе «Знамя», Белгородского района, где четыре года председательствует Н. Е. Босов, основа основ — тоже птицеводство, но только мясное.

И все-таки эти три хозяйства похожи друг на друга, как близнецы, избравшие разные профессии. Именно любовь к своей главной отрасли, верность углубленной специализации и роднят эти непохожие колхозы. Их сходство в четкой разнице.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Едва на зорьке направляет стопы к правлению председатель колхоза «Знамя» Николай Егорович Босов, а уж в него целится объективом своей камеры оператор кинохроники, устроивший засаду за углом. Подходит Босов к воротам птицефабрики, а там его давно караулят журналисты. Дел у председателя тьма-тьмущая. И не справляй он их на «отлично», не был бы в передовиках, никто бы к нему не ездил. Однако ж радушие Николая Егоровича не уступает его деловитости, и он ведет гостей сквозь гренадерские ряды дюжих «бройлеров», что в переводе с языка великого Шекспира означает «цыпленок для жаркого». Фабрика в прошлом году сдала государству 1 050 тонн этих отпрысков родовитых куриных семей «плимутроков» и «корнишей». Однако это не предел. С переводом всех птиц на клеточное содержание птицефабрика будет давать вдвое больше вкусной курятины. Босов рассказывает о помощи обкома партии в деле реконструкции фабрики, о том, что они объявили, как тут ласково говорят, «свой маленький БАМ»— ударный месячник по переоборудованию всех цехов, прибыль от которого должна перевалить за миллион рублей.

НОВОСЕЛЬЕ ХЛОРЕЛЛЫ

Чисто, светло, хорошо. Сидят люди в белом, беседуют:

— Кокцитоз...
— Стрессфакторы...
— Сбалансированный рацион...
— Диаммонийфосфат...
— Хлорелла вульгарис...

Что это? Где мы? В клинике? В каком-то НИИ на заседании мудреной кафедры? Что происходит? Консилиум? Коллоквиум? Симпозиум? Ничуть! Это беседуют колхозники о насущных колхозных делах.

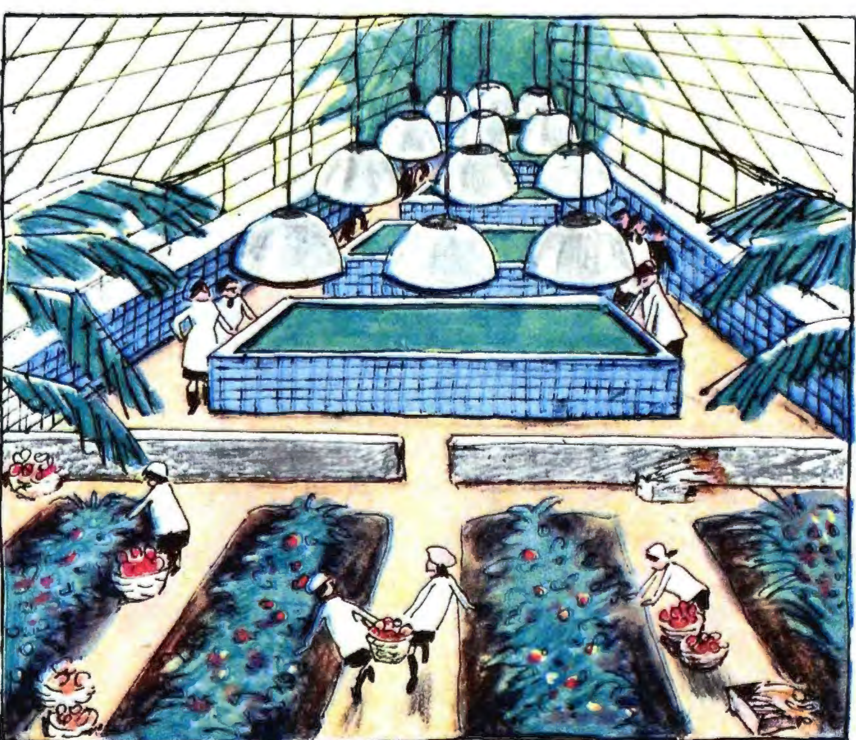
Словарь нынешнего сельского жителя уже не состоит из посконных «гумно», «дышло» и «вирло». Он включает в себя и латынь и научно-технические термины. И умиляться этому не надо, потому что вы можете лично познакомиться с колхозником-диспетчером, с колхозником — старшим лаборантом или с колхозником — инженером-биологом.

Вот вы сейчас посмотрели на картинку и, возможно, решили, что она попала сюда по ошибке. Нежась в тепле мощных ламп и в изумлении глядя на снег, кружащийся за прозрачными стенами, мы тоже думали, что по ошибке попали куда-то не туда. Однако громадный стеклянный шатер в самом деле стоял посреди колхоза «Заря» и носил суховатое название — биоцех. В тот момент здесь шли последние приготовления к новоселью хлореллы вульгарис. Что же, спрашивается, это за вульгарная особа, для которой колхозными силами всего за 45 дней соорудили этакое образцовое вместилище стоимостью 270 тысяч рублей? Что ж это за цаца, которую даже в любезно предложенный микроскоп толком не видать?

— А это такая водоросль! — надоумили нас колхозные лаборанты. — Это латынь тут подводит, именуя ее «вульгарис», то есть обыкновенной. А сдобришь ею корм — телята как на дрожжах начнут расти!..

Мы уже с должным почтением поглядели на объемистые кафельные ванны, где булькала зеленая от волшебной хлореллы вода.

— Со строительством биоцеха нас Шебекинский райком сразу же поддержал, — сообщил нам Виталий Федорович Яковлев, парторг колхоза, и не без тайной гордости добавил: — А колдуют у нас здесь люди с высшим образованием. Да, в животноводческом спецхозе сегодня без науки и делать нечего!

Ну, словно он слышал, как накануне сказал нам в «Знамени» Босов:

— С учеными у нас теперь дельная дружба. И со здешними, конечно, и даже с крымскими, которые вот уже два года помогают нам и советами и разработками.

Или как говорил Михайлов в колхозе имени XXI съезда КПСС:

— А у нас теперь постоянно специалисты из НИИПТИЖа — Института животноводства — опыты ведут. Сами тоже не дремлем. Наши ребята на общественных началах даже свое КБ организовали.

Что ж, пометим в сегодняшнем «сельском словарике» вслед за биоцехом — конструкторское бюро!

В КУРЯТНИКЕ — МУСЛИМ МАГОМАЕВ!

Композитор М. Таривердиев, наверное, несказанно удивился бы, услышав, что ежедневно способствует увеличению яйценоскости кур в Белгородской области. Однако это так. Этому благородному делу служат, оказывается, и Иосиф Кобзон, и Эдита Пьеха, и эстрадный оркестр под управлением Юрия Силантьева.

Когда в комнате, где стоит пульт автоматического управления микроклиматом, светом и влагой на двадцати участках птицефабрики, вы слышите голос, мужественно поющий: «Не думай о секундах свысока...» — вам кажется, что вы присутствуете при элементарном нарушении трудовой дисциплины. Но дело в том, что этот непрекращающийся гала-концерт — обязательное условие трудового процесса на птицефабрике колхоза имени XXI съезда КПСС. Музыку здесь транслируют специально для кур. Правда, они не пускают слезу и не хлопают восторженно крыльями. Но музыка как раз и призвана успокаивать нервных несушек, ликвидировать у них стрессовые явления. Но, наверное, веселее идет дело и у птичницы-оператора, когда рядом без устали поет и поет Муслим Магомаев...

Конечно, дело тут не только в музыке. Голодной и неухоженной курице хоть Вивальди заводи — она нестись не будет.

А ведь продуктивность в этом колхозе за истекшее десятилетие возросла со 108 до 234 яиц на несушку в год.

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Поверх обуви надо непременно надеть кокетливые хлорвиниловые ботики, а поверх пальто — белоснежный, хрустящий от крахмала халат. С трепетным уважением ты вступаешь в курятник. Впрочем, здесь, на птицефабрике, он уже давно называется цехом, хотя внешне ужасно напоминает телевизионную студию. Много осветительной аппаратуры. Птичница-оператор, разговаривающая по телефону с диспетчером, отделена от цеха громадными стеклянными окнами, сквозь которые она наблюдает за своими подопечными курами. А они, расположившись строгими рядами, одинаковые, точно герлс из ревю, кажется, только и ждут сигнала, чтобы начать свой коронный номер. Впрочем, они его исполняют беспрерывно, о чем свидетельствует постоянно подающаяся транспортером продукция, которую мы позже будем употреблять и всмятку и вкрутую. Здесь строго следят за тем, чтобы несушки всегда были «в форме», а потому делают им прививки от всяких хворей, составляют разнообразные меню.

Кажется, что уйма народу должна хлопотать вокруг. Но спецхозы или комплексы тем-то и замечательны, что работают на промышленной основе, где автоматика и механизация решают десятки проблем. Нас уверяли, что недалеко время, когда человек будет вообще редким гостем в спецхозовских цехах.

БРАК ПО-БЕЛГОРОДСКИ

Деревенские свадьбы в колхозе «Знамя» играются по старым традициям. Но против новшества на них тоже никто не протестует. Особенно такого, когда председатель колхоза, поздравляя молодых, вручает им в подарок ордер на отдельную квартиру.

И это, не будем лукавить, как и строящийся торговый центр с магазинами, рестораном, залом бракосочетаний и даже музеем — одна из веских причин, по которой народ прочно закрепляется в селе.

Могли бы, наверное, похвастаться и в колхозе «Заря» своими 220 квартирами с водопроводом и газом. Могли бы, но не хвалятся, поскольку привыкли к этому. И редактору колхозной многотиражной газеты в голову не придет тысячным тиражом сообщать читателям весьма примечательное, на наш взгляд, число владельцев автомашин в колхозе — 150. Это в порядке вещей: люди все прочнее становятся на ноги, раз хозяйство мужает. А хозяйству, имеющему доход 1 миллион 700 тысяч рублей, по плечу и межколхозный пионерлагерь отгрохать на полтыщи ребячьих душ и разослать по институтам полсотни стипендиатов учиться за счет колхоза.

«Не плюй в колодец...» — упреждает пословица. В колхозе имени XXI съезда КПСС не позабыли народной мудрости, но решили обойтись без колодцев: взялись и проложили 25 километров водопроводных труб. А чтобы хозяйка могла, не выходя из кухни, не только воды напиться, но и вскипятить эту воду на предмет варки бесподобного местного кулеша, шестьсот дворов было обеспечено газом. Теперь же колхоз подступается к миллионному делу — строительству Дворца культуры, закрытого плавательного бассейна и прочих объектов первой необходимости. Не исключено, что вскорости мы увидим это в киножурнале колхозной кинохроники, снявшей, кстати, уже три фильма о своем колхозе.

РАДУЮЩИЙ НЕПОРЯДОК

Разумеется, мы не беремся утверждать, что так, как здесь нарисовано и написано, дело обстоит повсеместно. Мы сознательно остановили свой выбор на крепких, примерных хозяйствах Но проблемы, само собой, существуют и здесь.

— Не так уж хорошо, как хотелось бы, у нас с личным автотранспортом,— откровенно признались нам в босовском хозяйстве. — Дай нам с утра полсотни «Жигулей», к обеду все бы расхватали!

— Ну? — подивились мы.

— А чего удивляться-то? — спокойно отвечали нам. — На сберкнижках у наших колхозников шестьсот тысяч рублей лежат-дожидаются. Или вот еще, детей наших музыке надо учить?

— Надо, — согласились мы.

— То-то! А учителей нет ни по классу скрипки, ни по классу гармошки. А возьмите двухэтажные квартиры в наших новых домах. Раньше строили с удобствами только на втором этаже. Теперь глядим — неудобно за, извините, нуждой всякий раз наверх бегать. С двумя удобствами строить надо: наверху и внизу.

Да, если уж до таких, казалось бы, негенеральных забот дело дошло, тогда уж... Впрочем, что тогда, мы не успеваем выразить, поскольку вспоминаем, на что сетовали в масловском хозяйстве:

— Нам сейчас не нужен зоотехник вообще. Нам такой не нужен, который бы равно и в овце понимал, и в козе, и в курах. Нам в спецхоз такого подготовьте, чтобы он, например, одну корову знал, но вдоль и поперек до самых тонкостей.

А в хозяйстве у Михайлова всерьез огорчаются малому количеству подписных изданий и периодики, попадающих в колхоз:

— Это что ж такое? На весь колхоз только одну роман-газету в этом году дали! Непорядок!

Простите за странную на первый взгляд мысль, но подобные непорядки радуют сердце. Видится нам за всем этим не тот сельский житель, что возвращался из города обвешанный баранками, велосипедными шинами и прочими подарками для родни. Нам видится за этим современный труженик села, материальные и духовные запросы которого становятся под стать его великой работе.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли кто останется равнодушным к той большой отрасли сельскохозяйственного производства, которая обозначается одним словом — животноводство. Памятуя об этом, мы и постарались провести читателя по тем местам, где мычат наши будущие бифштексы, где квохчут наши будущие котлеты по-киевски.

Мы надеемся, что из этих заметок у вас сложилась общая картина, подобно тому, как из кусочков смальты складывается мозаичное панно. Мы назвали эту картину — деревенский позитив. И основанием к тому, помимо всего рассказанного, были единодушные свидетельства многих как рядовых колхозников, так и колхозных руководителей:

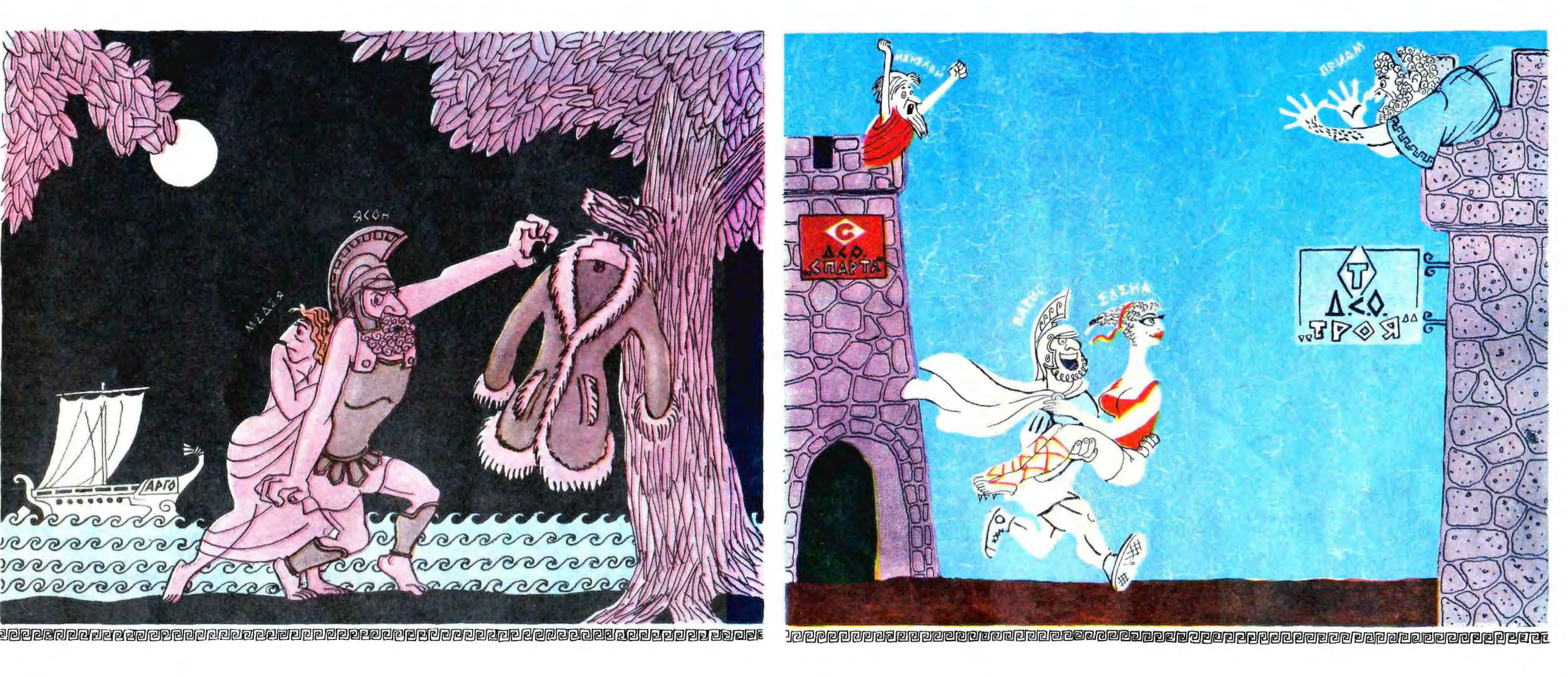
— Все, чем мы нынче гордимся по праву: и современным ведением хозяйства, и возросшей культурой на селе, и крепким достатком, — все это — следствие значительных и радостных перемен, происшедших после мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 года, перемен, позволивших нам ощутить реальную отдачу вложенных нами сил.

Рисунки
Е. ГУРОВА

1. ЗОЛОТОЕ РУНО
2. ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА
3. ТРИ ГРАЦИИ

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

Они денег хотят...

Конечно, о звездах написана уйма песен. Почти каждой звезде в уши вдето по песне.

О глазах наворочено еще больше вокала.

Но просто прорвища песен и серенад о руках. Под балалаечный гром и арфовые арпеджио, под высоковольтные гитары поется про руки. Они и «словно две большие птицы», и «руки-крылья», есть среди рук и «задорные».

Казалось бы, тема исчерпана.

Ан нет. Есть один сорт и порода рук, совершенно обойденные песней. Эти руки мы чувствуем на себе весьма часто. Они с большой, почти медсестринской сноровкой раздевают нас с головы до пят. В руках этих цепкость и хваткость, и они принадлежат обирале.

Обирала и ростовщик существуют давно. И — хотя и без вывески, полугласное — существует ростовщичество даже теперь, даже у нас.

Впрочем, имелась вывеска. На фанерном листе, прибитом к дверям стоящего в тупике вагона, были нарисованы винтовка, кинжал и топор. Из дульного среза, с лезвия топора и кинжального кончика капала молодая алая кровь. Была снизу подпись: «Кто живым сюда явится — живым не уйдет. Приходите с милицией». (Сочинено все было для благодушия милицейских чинов: мол, видите, всеми ославленный ростовщиком, насколько противлюсь я посещению моего вагона любыми гражданами!)

Проживал в вагоне отшельник Адам Андреевич Салман, рабочий строительно-монтажного поезда № 196. Активно одинок был этот Адам Андреевич. В работах бригадным методом он участвовать не желал. Работу он требовал индивидуальную и, пошабашив, там же, в стороне, на отшибе, чинно и единолично распочинал со снедью пакет.

И жить бы ему в достатке и без проблем на своей солидной зарплате, но правил бог наживы душой Адама Андреевича, хотелось ему приумножить свой достаток, и был он, что называлось в прежние времена, «скопи домок, разори деревню».

Не без содрогания стучался я в страшную дверь с огнестрельно-кинжальной вывеской. Через пять минут стука загремели на ставнях болты, пионерски-пытливый глаз загорелся в узкой и темной щели. Затем снова загрохотали щеколды, засовы, крюки — и в уютнейшей обстановке, сидя на кровати ближе к топору, лежащему в изголовье, тов. Салман обсказал былое и думы. О, гневно отметает он слухи о том, что дает деньги в долг под проценты! Дает он много, но просто от широты души. Гневно отметает он факты, что с моложавых гражданок согласен был в виде процентов получать поэмой экстаза:

— Между тридцать вторым и тридцать четвертым годом клялся я на суме сторонам света, что выше колен тела ихнего не посмотрю. Нищего клятва священна!

Не отметал ростовщик только фактов, что берет залоги вещами. Да и где же отместь, ибо здесь и висел шубный тулуп, на станции Зима очень ценная вещь, отнятый у прежнего владельца в погашение долга.

— Я скажу, что не в этом вся глыбь,— с большой гражданской тревогой сказал ростовщик.— Ну тулуп, ну разные мелочи. А в том глыбь и спасибо мне, что именно я даю деньги нуждающим в долг, а иначе могли бы нуждающие по нестойкости качнуться за средствами к иностранным разведкам. Принесением личной материальной жертвы обезопасил я много чего...

И спаситель граждан пояснил ситуацию на примерах Сундеева-Протопопова, а также Кравченко. «Дай,— сказал Кравченко,— дай мне эту, цвета озябшего мальчика». И дал ему ростовщик пятирублевку, вписав в реестр: «5».

— Тут пришел снова Кравченко: дай мне денег до сотни, у меня мытарство — с внутряными болезнями дочь. Дай, а я тебе все наличные документы оставлю в залог. Я ему дал. За Кравченком Сундеев-Протопопов взял девяносто три рубля под отданье сотни, а для гарантии, говорит, на тебе все мои военные и гражданские документы. А после сбежали оба. Я, гляди, весь в ущербе, потеряны крупные суммы. Однако терплю, потому что вдруг бы продали эти двое и другие в многом числе свои документы врагу?

И тем не менее Салман — опасность малая. От его раздевающих рук избавиться просто: стоит только к нему не ходить. Бывший христарадник обирает население, не привлекая своих должностных, вверенных ему государственных средств и возможностей.

А вот вам позарез нужна мебель. Как ни крутитесь, но пойдете вы в магазин, и попробуйте вы купить дефицитную мебель, не умаслив работника магазина зеленой и хрусткой, как ранний огурец, ассигнацией.

Попробуйте поселиться в иной гостинице там и сям, не вложив предварительно в паспорт казначейский билет!

И вот город Братск, ночь над прославленным городом, и в темных окнах голубоватые сполохи электричества: то братчане с братчанками искрят снимаемой на ночь одеждой из синтетических тканей. Спите спокойно, энергетики, строители, лесопереработчики!

Они спят спокойно. Иногда чересчур спокойно, и даже не слышат будильника, просыпаясь за тридцать минут до смены. Пулей вылетает картонажник из дома, а дальше режиссура событий общеизвестная: посреди жилмассива как бы случайно стоит такси. Горит зеленый огонь: свободно. Рядом ошивается водитель без шапки. Картонажник мчится к таксомотору.

Было, граждане, было, видели вы у вокзалов: отмолотив на асфальте чечетку, кричал цыганский подросток толпе:

— Ах, кости болят, они денег хотят!

Какой нахрапистый, нетонкий, непсихологичный расчет добыть деньги! Нет, вовсе не тот человек — рассветный таксист посреди братского жилмассива. Во-первых, он знает: до смены на картонажном комбинате осталось восемнадцать минут. До комбината семь километров. Если человек опоздает на смену — может лишиться тринадцатой зарплаты. Поэтому человеку выгодней отдать червонец таксисту. Именно таких опаздывающих каждодневно караулит и раздевает таксист. И от него никуда не деться.

— Я дико извиняюсь,— сипло, с подбега спрашивает картонажник таксиста,— голова не замерзла?

— Зверски! — отвечает таксист.

— Надевай! — говорит картонажник, надевая на голову таксисту червонец.— Тебе хорошо?

— Хорошо простуженному: захотел — и покашлял! — отвечает таксист, и машина уносится с бешеной скоростью, чтобы завтра занять ту же позицию. Но за восемьдесят копеек, за три рубля и завтра и послезавтра это расстояние преодолеть невозможно: искра уйдет в баллон, картер примерзнет к дороге, да мало ли что.

Да, дорого обходятся населению обирательские невоспетые руки на транспорте. Вы берете билет на автобус из Махачкалы в горный Гуниб. Вы намерены трудный путь проехать хотя бы с маленькими удобствами, и билет гарантирует это. Однако давно и прочно государственный автобус ПАЗ-672 № 02-77 ДАЗ превращен в инструмент повального обирания масс.

24 ноября автобус вышел в типичный рейс: все места заняты, ни один пассажир не путешествует стоя — строго запрещено. Но сразу при выезде за городскую черту замельтешил на обочине возле груды мешков джигит. Джигит заранее договорился с водителем. Тяжелоатлетически хакая, он вбросил в автобус мешки, запрещенные к перевозке пассажирским транспортом, и завалил проход вровень с сиденьями. До Буйнакского перевала он лежал на мешках ничком (до Буйнакского перевала на шоссе предполагались инспектора и законность). После Буйнакска джигит сел верхом на мешки и пронзительно запел об орле над саклей, о дыме тондыр-чурека, о коне под офицерским седлом... Начинались пампасы и вольница. Сразу подсели в автобус неорганизованные массы гражданок в черных платках и пледах. Рыдали рессоры: в изящный ПАЗ грузились расчлененные туши сельхозживотных, фураж, ломы, лемеха, яблоки, битые индюки и если по запаху, то вроде и кизяки. Полузадушенные официальные пассажиры хрипели.

А трасса становилась сложней и сложней, в четыре и пять рядов одна над другой вокруг гор, к перевалам ползли машины. И страшно было подумать: вдруг случится что-нибудь с тормозами в перегруженной преступно машине? Или пожар при аварии? Даже в окна из машины никто бы не выполз.

У селения Кинцли из автобуса выдавились восемнадцать гражданок, но и после этого в автобусе не стало свободнее. И далее выходили по два, по пять человек, и водитель, повернув в салон лицо со строгим, тонко и прямо прорезанным ртом, как отверточная борозда на головке шурупа, обирал с выходящих пятерки, трояки и рубли, пряча их в запазухе такой глубины, какая даже не снилась возвращающимся с рынка крестьянам.

И тут с подножки на землю ступила девочка, ученица, должно быть, четвертого класса. Она проехала три километра и вышла, не заплатив. От такого ужасного дела даже заглох мотор. Выбросившись по ягодицы в окно, водитель завизжал, точно свин:

— Девчонка! Деньги! Деньги давай!!

Что вам сказать? Взорвался только один пассажир, житель села Солта Магомед Хайнуллаев.

— Крохобор! — вскричал Хайнуллаев.— Скоро ты с нерodившихся будешь рвать деньги. Проклятие тебе! Яд тебе! Ты играешь в голодного, вспучившись от вымогательства. Ты голоден? На мою лепешку! На всю!

— Хи-хи,— включил мотор обирала.— Почему столько нервов?

Вот именно: почему столько нервов? Лучше относиться спокойно. Попривыкнуть. Ведь по номиналу, скажем, где купите вы запчасти к машине? Не всюду вам повезет с номиналом. И вы не получите за так, коли вы книгочий, редких книг для чтения из частных библиотек, потому что народился в городах уже и такой шкуродерский промысел — выдача напрокат дефицитных книг с платой за один день чтения от рубля до пяти. Вы не...

А динамики, изнывая, выводят: «Руки, вы словно две большие птицы...»

Какие именно птицы? Вид? Семейство? Подвид?

Стервятники.

Вл. КАПНИНСКИЙ

Вот какой рассеянный

Жил кладовщик рассеянный
На Малой Бакалейной.
Сало-шпик, чудак, солил,
Молоко в сметану лил.
Ставил ведра с кипятком
Рядом с сахарным песком.
Вот какой рассеянный
С Малой Бакалейной!
Как узнал Контроль про то,
Кладовщик надел пальто.
Сдал кладовку при столовой,
Принял склад лесоторговый.
Тес привез он с лесопилки,
А списал его в опилки.
Продал доски-горбыли, —
Не вписал в отчет рубли.
Вот рассеянный какой
Из конторы «Лесснабстрой»!
Как узнал Контроль про то,
Кладовщик надел пальто.
Прибежал он на перрон,
На ходу вскочил в вагон,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...
Подремал, чудак, немножко
А потом взглянул в окошко.
— Это что за остановка!—
Говорит он с расстановкой,—
Промторгснаб! Горторг!
Главспирт!
Живсырье! Заготснабсбыт!
А с платформы говорят:
— Это Автокомбинат!
Он вздремнул еще немножко
И опять взглянул в окошко.
— Как зовется это место!
Облхозсклад какого треста!
А ему в ответ с перрона:
— Просим выйти из вагона.
Здесь тупик. Окончен рейс.
Это — ОБХСС!
Кладовщик протер глаза,
Огорчился и сказал:
— Я ж такой рассеянный
С Малой Бакалейной...

Сатира в бою

В годы Великой Отечественной войны понятия «тыл» и «фронт» были неотделимы друг от друга. Даже в самом глубоком тылу, где не слышны были разрывы снарядов, люди жили и трудились под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!»

Ц. МЕЛАМЕД

Предъявите документы!

И до чего же преображает человека форма! Синие кители с нашивками на рукавах, фуражки с «крабами», оттягивающие пояса кобуры с пистолетами превратили вчерашних штатских инженеров в заправских морских волков.

Первый выход в город, о котором много слышал, много читал, но в котором никогда не бывал. Севастополь настороже н. Все предупреждены о возможности высадки вражеских парашютистов, переодетых в нашу форму.

Навстречу шагает осанистый командир. Еще издали замечаем, что нашивок у него побольше, чем у нас. Я и мой спутник — лейтенант Гедима, как и положено, приветствуем его. Он тоже подносит руку к козырьку. Но что это?.. Какая-то странная, непривычная для глаза форменная фуражка.

Мы останавливаемся и, пошептавшись, принимаем решение следовать за ним. Он — направо, мы — направо, он — налево, мы — тоже. Видимо, заметив слежку, он начал оглядываться. Это еще больше усилило наши подозрения.

Решаем проверить его удостоверение личности. Ускоряем шаг. Из-за угла появляется патруль — два матроса и старший лейтенант. Тем лучше. В случае сопротивления нам обеспечена поддержка.

Странно только, что патруль вместо того, чтобы потребовать у этого явно подозрительного типа документы, начинает чеканить шаг.

Останавливаем начальника патруля.

— Извините, вы обратили внимание на фуражку этого человека? На козырьке какие-то позолоченные накладки. Надо бы проверить...

Глаза старшего лейтенанта чуть не выкатываются из орбит.

— Вы что, никогда контр-адмирала не видели?.. А ну-ка, предъявите ваши документы!..

УРАЛЬСКИЕ САМОЦВЕТЫ!

(Продукция уральских заводов налицо)

Рисунок Бор. ЕФИМОВА, 1943 г.

Г. РЫКЛИН

НАШИ ВЕЧЕРА

Вечера в семье Киреевых проходят неспокойно.

Вечерами Киреевы то и дело поглядывают на стенные часы.

Собственно говоря, Лука Фомич как будто и не принимает живого участия в этом занятии. Он молча сидит над своими бумагами, и весь его вид говорит о том, что на данном этапе он, Лука Фомич, интересуется только бумагами. Но справедливости ради отметим, что Лука Фомич нет-нет, а все же невзначай, мельком и, если хотите знать, даже небрежно взглянет на часы.

Вера Игнатьевна ушла с головой в интересную, очень увлекательную книгу. Но — чудное дело! — вот уж минут двадцать, как она читает одну и ту же страницу. Пробежит пять-шесть строчек и этак равнодушно и будто бы задумчиво вскинет глаза туда, где висят часы, по бесстрастному циферблату которых ужасно медленно двигаются стрелки.

Бабушка хлопочет на кухне. Но она все чаще и чаще забегает сюда в комнату. Нет, не для того, чтоб взглянуть на часы. Она за солью. Что-то очень много соли ей сегодня нужно. Забежит, ну и, конечно, скользнет взглядом по циферблату и, ни к кому не обращаясь, скажет:

— Сегодня ничего не будет...

Юрка знает, что бабушка лукава и погрязла в суевериях. Это она нарочно говорит, что ничего не будет, а в душе надеется, что будет.

Надо отдать справедливость Юрке: из всех Киреевых это самый откровенный человек, хотя он уже не так молод — одиннадцать лет. Он ничуть не скрывает своего сладостного волнения. Он со свойственной ему прямотой и категоричностью смотрит на часы.

— Обстановка выяснится через одиннадцать минут, — заявляет Юрка.

— А? Что? — говорит отец. — Юрка, не мешай работать.

— Что? — вторит мать. — Юрка, ты мне мешаешь читать. А может, будет не в восемь, а в девять.

— Сегодня ничего не будет, ничего не будет, — шепчет бабушка, роясь в банке с солью.

— Обязательно будет! — твердит Юрка. — Семен Семенович видел, как по улице Горького везли пушки.

— А какие сегодня сведения у Кудрявцева? — спрашивает Вера Игнатьевна.

Но Кудрявцева нет дома. Это студент, у которого есть знакомая зенитчица. Тактичный Кудрявцев никогда не обращается к Варе с вопросами на эту тему. Но, способный молодой человек, он научился бойко читать в ее синих глазах, и это увлекательное чтение часто обогащает Кудрявцева предчувствием близкого салюта.

Тридцать пять минут восьмого. Все смотрят на часы и на репродуктор.

— Концерт окончен! — заявляет диктор.

И репродуктор, спасибо ему, умолкает. Молчит уже целую минуту.

— Есть! — кричит Юрка. — Пауза!

И Юрка, не долго думая, пускается в пляс.

Вот уж диктор объявил о предстоящем важном сообщении. Вот уж и любимая всеми нами музыка позывных.

В дверь стучит сосед Павел Петрович, за ним соседка Марья Семеновна.

Все собрались у репродуктора. И вот уже Левитан торжественно произносит: «Приказ Верховного Главнокомандующего...»

— Двенадцать, двадцать, а может, двадцать четыре? — волнуется Юрка, вооруженный красным карандашом.

Сейчас он на карте кружочком отметит новый освобожденный город. А уже позже, когда Юрка будет спать и будут передавать сводку, папа начертит на карте новую линию фронта.

Только вот беда — уж не хватает карты. Нет у Киреевых ни Румынии, ни Венгрии, ни Чехословакии. А ведь сейчас эти карты так нужны, так нужны!

1944 г.

Золотые руки

Мы с подругой не гадали,
Что придет такой денек,
Что вытачивать детали
Встанем обе за станок.

Но у моей подруги
Золотые руки!
На шестые сутки
ей признался цех:
«От твоих подарков
Будет немцам жарко.
Ты из наших новеньких
будешь лучше всех!»

Я завидовать не стала,
Не заплакала со зла —
Я как следует нажала
И подругу догнала.

Но у моей подруги
Золотые руки!
«Мы,— она сказала,— будем,
как в бою!»
Подмигнула глазом
И почти в два раза
Норму увеличила в этот день
свою!

Я отлично это помню:
«На работе, как в бою!»
И хоть очень нелегко мне,
Все же я не отстаю.

И на днях начцеха
Нам сказал без смеха:
«Молодцы подружки!
Слава вам и честь!
От таких подарков
Будет немцам жарко!»
Мы не отрекаемся — это так
и есть!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

1942 г.

Приезд героя

Сегодня в доме весело,
Сегодня пир горой:
Из действующей армии
Приехал сын-герой.

Коней колхозных выслали
На станцию с утра,
И он сошел с почтового
Под громкое «ура».

И обнял он родителей —
Мамашу и отца —
И сам начальник станции
Слезу смахнул с лица.

И тронулись, поехали
Со станции в колхоз.
Он узнавал окрестности,
Где он мальчишкой рос.

Березовая рощица,
За ней сосновый лес.
А вот налево — пасека,
Направо — МТС.

Остановились лошади,
Дошел он до сеней,
И все кругом захлопали,
Все громче и сильней.

Заслуженному летчику
В кожанке фронтовой
За подвиги геройские,
За орден боевой.

И он сказал: «Товарищи,
Я вас благодарю!
Я вам красноармейское
Спасибо говорю!

Три года, как покинул я
Свой дом и свой колхоз
И стал военным летчиком,
Ведущим бомбовоз».

И, сквозь толпу народную
Пройдя с большим трудом,
Вошел он в дом родительский —
Простой крестьянский дом.

Вошел — и в светлой горнице
Вдруг стало днем темно:
Все будущие летчики
Явились под окно.

Сергей МИХАЛКОВ

1942 г.

ПРИХОД И РАСХОД

Сбережения колхозников.

Расход фрицев.

Рисунок Б. ФРИДКИНА, 1943 г.

Итак, друзья-эрудиты, кажется, мы с вами все-таки выходим на финишную прямую. И пора — третий год уж пошел, как вы юмористической лопатой и сатирическим заступом ведете раскопки в области истории открытий и изобретений.

«Большое спасибо за КИОИ,— пишет нам из г. Карачаевска В. А. Бутенко и предлагает:— Почему бы не обеспечить КИОИ постоянную прописку в журнале!» Большое спасибо за идею, Владимир Александрович, но — увольте. Не обеспечим. Придумаем что-нибудь новенькое, свеженькое. По секрету, сугубо между нами, Владимир Александрович, в мозговых извилинах отдельных сотрудников редакции вызревают кое-какие занятные задумки в направлении грядущих массовых интеллектуальных игрищ.

Из далекого края, где сверкание алмазов соперничает с блеском северного сияния, а проще говоря, из города Мирный (ЯАССР), Гена Шкондин советует нам сделать участие в КИОИ «соревнованием либо между городами, либо личным первенством».

Ну, насчет соревнования городов это вы, Гена, хватили через край, а борьба за личное первенство, собственно говоря, идет и так в каждом туре КИОИ.

Сейчас, когда до финиша остался один тур, спортивно-интеллектуальные страсти историков-юмористов раскалились докрасна. Редколлегия КИОИ с особым удовольствием отмечает подключение к КИОИ прекрасной половины человечества. В Международный год женщин такое внимание особенно нам дорого. А. Останькович из г. Новозыбкова уведомляет: «Отшумели давно пеленки, отгремели ночные горшки. Пока нет внуков, надо спешить со смехом». Правильно, тов. Останькович, не использовать такой просвет в личной жизни для хорошего дела — просто грех! А Л. Гребенюкова из пос. Новодонецк поведала нам о мучительном душевном конфликте: «Мне усиленно мешают делать новые открытия мои малыши. И я с сожалением ограничиваю свое творчество, лишаю себя последнего шанса на Славу...» Тов. Гребенюкова, ваша Слава — ваши дети. Ради ваших малюток разрешаем вам не участвовать в последнем забеге эрудитов.

Всем остальным — приготовиться! Внимание! Начали!

УЛИЦА — излюбленное место для проведения соревнований по рытью траншей на первенство добровольных спортивных обществ «Газ», «Телефон», «Водопровод».

В разгар соревнований жители У. вынуждены передвигаться по карнизам и крышам близлежащих домов. Для лучшего освоения указанного способа передвижения некоторые жители городов выезжают в труднодоступные районы горных массивов, например, Альп, и там, совершая головокружительные восхождения, приобретают необходимые навыки. В народе эти люди получили меткое название — «альпинисты».

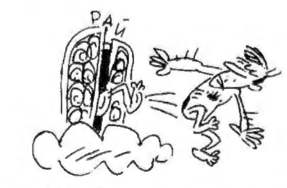
Особое положение занимают сельские У., которые подразделяются на У. легкопроходимые, проходимые, труднопроходимые и непроходимые. Замечено, что из числа жителей двух последних разновидностей сельских У. вышло много известных мореплавателей, прыгунов с шестом и водолазов.

В. Бароев, Одесса,
К. Акиньшин, Москва.

УПРАВДОМ — излюбленный пробный камень юмористов и самая безопасная мишень сатириков. Под влиянием их творчества У. возмужал, закалился и, главное, приобрел специфическое чувство юмора. Сегодня лишь он один смеется над сатирическими потугами своих литературных обидчиков. Остальным читателям смертельно наскучил одиозный персонаж, тридцать лет требующий справку на справку или не ремонтирующий дырявую крышу. Вот почему многие сатирики и юмористы, тонко чувствующие ситуацию, уже оставили У. в покое. И дружно навалились на более крупную и зловещую фигуру — слесаря-водопроводчика.

И. Гусаченко, Киев.

УСЛУГА — универсальный обменный эквивалент в системе дефицитного товарооборота. Различаются три типа У: неоценимая, дружеская и медвежья. Исторический аспект У. хорошо известен. Неоценимую У.

ШУТКА НА ПРИВАЛЕ

оказал Саваоф Адаму, создав Еву, которой, в свою очередь, оказал дружескую У. Змий, указав на известный фрукт. И тогда Ева показала пример медвежьей У.— соблазнила беднягу Адама и довела дело до выселения из благоустроенного Рая.

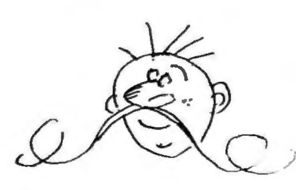
А. Потупа, Минск.

УСУШКА, УТРУСКА — Во время сотворения мира утрясались целые континенты. Уже во время существования цивилизации произошла утруска, широко известная под названием «Гибель Атлантиды». В результате исторической усушки динозавры превратились в ящериц и т. п.

В настоящее время У. и У. применяются в торговле для списания таких продуктов, которые не усохнут, если их сушить в доменной печи, и не утрясутся даже с помощью вибростенда.

В. Уланов, Ворошиловград,
А. Шевченко, Ожерелье,
Московской обл.

УСЫ — одно из средств самовыражения.

В настоящее время У. получают широкое практическое применение. С помощью длинных У. можно определить направление, а также силу и скорость ветра, хотя в смерчи всовывать У. категорически запрещается (можно лишиться У.)

У.— знак мужского отличия, последняя твердыня мужчин, еще не завоеванная женщинами. Как только и она рухнет, на ее обломках блондинки с роскошными У. а-ля Тарас Бульба водрузят победное знамя матриархата.

В. Вароев, Одесса,
В. Григорян, пос. Калинино,
Армянской ССР.

УТЮГ — любимый персонаж художников-плакатистов, работающих в жанре «Звоните 01!».

История У.— это процесс его непрестанного совершенствования, серьезно обогативший как технику, так и культуру человечества. Уже первый технически несовершенный У., который приходилось подогревать на кухонной плите, позволил ввести в обиход брюки. Шагом вперед явилось создание У. с тлеющими углями. Этот У. заметно улучшил технологический процесс глажения и вызвал к жизни пожарное дело и страхование имущества. В целях дальнейшего улучшения У. было изобретено электричество.

После этого ученые и инженеры высказали мнение, что с У. пора кончать: так были изобретены лавсан, нейлон, болонья и начались перебои с продажей У. в магазинах.

Ю. Март, Балезино-3,
Удмуртской АССР.

УХА — блюдо русской кухни, которое скоро будет занесено в Красную книгу, ибо катастрофически исчезает из меню.

Документы старины донесли до нас сведения, что У. имела необыкновенный вкус и романтические названия, например: «Демьянова У.», «стерляжья», «тройная».

Сейчас по вкусу ухи опытный человек может легко определить, каковы успехи химической промышленности родного края, какие новые предприятия вводятся и как протекает в газетах дискуссия об охране окружающей среды.

В настоящее время существует два основных способа приготовления У.: 1) Вечером после рыбалки берется костер (один), в металлическую емкость зачерпывается речная вода и процеживается через вату для удаления нефтепродуктов и аквалангистов. В закипевшую воду закладывается лавровый лист и содержимое консервов «Морская капуста». Макароны — по вкусу.

2) Рыбаки окружают водоем и с остервенением бросают в него гречневую, ячневую и манную крупу, хлеб (рижский, орловский, бородинский), хлопья «Геркулес», печенье «Юбилейное», «Первомайское», «Привет». Все это тщательно перемешивается веслами до консистенции бетонного раствора. Рыба, задыхаясь, всплывает на поверхность. В этот момент ее бьют по голове спиннингами, мормышками и морскими якорями. Улов достигает 2—3 пескарей на 100 га водной поверхности.

Еще до того, как вода в котелке закипит, в желудок заливают водку по вкусу.

К. Акиньшин, Москва,
В. Плотников, Свердловск,
В. Штепо, п. п. 13665«Н».

УЧРЕЖДЕНИЕ — место хранения гербовой печати. При печати находится начальник У. Поскольку начальник уезжает иногда на заседание, на футбол, хоккей, в штат У. введен заместитель. У. имеет средства большой и малой механизации: автомобиль, телефон, пишущую машинку и факсимиле. Бурное развитие сети У. вызвало необходимость создания кроссвордов и шахматных этюдов, банкетов и народного контроля. Все было хорошо, но появились посетители и просители. Пришлось срочно вывешивать табличку «Прием с 17.00 до 17.30», для малограмотных и невнимательных — поставить в дверях швейцара.

Н. Губанов, Измаил,
Одесской обл.

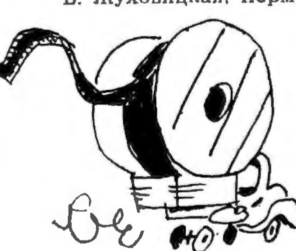
ФАТА — маскировочная сетка, применяемая представительницами другой половины человечества с целью захватить зазевавшегося противника на неопределенное время. Если последний ведет себя благоразумно, ему дарують жизнь.

А. Литвинов, Керчь.

ФИЗИКА — по словам известного физика Дж. Орира,— «это то, чем физики занимаются в свободное время вечером». Днем, как известно, физики шутят. Шутки физиков, такие, как атомная бомба, термоядерная реакция, лазеры и др., давно уже доставляют много хлопот остальной, более серьезной части человечества. Поэтому понятно то чувство облегчения, которое испытывают эти последние, наблюдая, как постепенно большая часть физиков переключает свое внимание на всевозможные конгрессы, конференции, семинары, «школы», совещания и просто путешествия (командировки), то есть занимается Ф. в понимании Дж. Орира. Оптимальный способ отвлечь физиков от их опасных шуток — переключить их на писание диссертаций. Поэтому специально для занимающихся Ф. следует учредить несколько дополнительных ученых званий: 1) недофизик, 2) полуфизик, 3) физик, 4) сверхфизик. Проводя время над написанием диссертаций на соискание этих ученых степеней, физики будут заняты круглосуточно, и человечество будет спасено.

Б. Жуховицкая, Пермь.

ФИЛЬМ — возник в результате развития железнодорожного транспорта. Первый Ф. был отснят братьями Люмьер о прибытии поезда по расписанию, что в 1895 году тоже иногда случалось. О младенчестве Ф. можно сказать, что он пошел сразу, но заговорил поздно, зато с музыкой. У Ф. есть целый ряд своих примет, которые обычно подтверждаются: свадьба в начале Ф.— к беде, река в кинокомедии — к падению в воду, симпатичный персонаж в начале детектива — шпион, парень и девушка бегают друг за другом — к любви и т. п. Ф. приобрел не только звук, но и цвет, что очень радует глаз, хотя иные ленты хочется отнести в химчистку. Ф. растут в длину, а экраны в ширину, следовательно, количество фильмоплощади на душу населения увеличивается.

Каждый Ф. несет массу информации. Из Ф. зритель узнает, что положительные герои отказываются от руководящих постов, бросают квартиры и уезжают из городов в глушь. И если до сих пор крупные города и населенные пункты не пришли в полное запустение, то только потому, что там обосновались отрицательные персонажи, не желающие расстаться с удобствами. Понятно, что порядочному человеку ничего не остается, как кадеть телогрейку и отправиться в отдаленный леспромхоз.

Во-вторых, Ф. учит, как нужно поступать в тех или иных ситуациях. Например, что должны делать граждане, если они любят друг друга. Объясниться? Подать заявление в загс? Ничего подобного.

Она должна бежать без дороги по лесу, по тундре или по барханам, а он — ее догонять. Пробегая мимо любого водоема, она должна ладошкой обрызгать его счастливую физиономию. В холодное время года ее дело сыпать ему снег за воротник. Потом она вбегает на пригорок, сопку или дымовую трубу, и ветер шаловливо играет ее волосами. В безветренную погоду ее хватает за волосы возлюбленный.

Ну, а если, набегавшись, она выйдет замуж за доцента-карьериста? Тут герой Ф. выскакивает без шляпы на улицу и бесцельно бродят под проливным дождем. В период засухи нужно стать под душ, но тоже без головного убора.

В-третьих, любой Ф. заставляет зрителя мыслить. В частности, о том, как положительный герой ухитрился достать меховую шапку и джинсы, если в очередях ему стоять некогда, а о связях со спекулянтами и говорить не приходится. Зритель долго размышляет, на какие средства герой приобрел мотоцикл (ведь он принципиально отказывается от премий) и почему ему, неженатому, дали двухкомнатную квартиру.

Телевизионный многосерийный Ф.— лучшее средство для проведения тестов на склероз. Если, смотря очередную серию, вы не в состоянии вспомнить содержание предыдущей, значит, пора вводить в дневной рацион морскую капусту.

К. Акиньшин, Москва,
Н. Мясоедов, Пржевальск,
Киргизской ССР,
В. Ожерелков, Москва.

ФИНАЛ — завершающая стадия какого-либо процесса. Не следует путать Ф. розыгрыша Кубка европейских чемпионов с Ф. Шестой симфонии, так как последняя разыгрывается без полуфиналов.

А. Потупа, Минск.

ФОРТЕПЬЯНО — современное орудие пытки, главная его отличительная черта — возможность издеваться не только над ныне живущими, но и над давно умершими представителями рода человеческого.

В. Кофман, Биробиджан.

ХАРЧО — происходит от слова «харч», «харчевня». Устаревшая разновидность супа. Х. по-грузински готовился из риса, баранины и всевозможных южных специй. С ростом квалификации поваров последние стали обходиться без риса, заменяя его перловкой, без баранины, заменяя ее костями, без специй, заменяя их немолотым перцем. По сообщению БПП (бюро пищевых прогнозов), следующей новинкой пищеблока будет суп-х. без перца, без костей и без перловки.

А. Невельский,
Днепропетровск.

ХИМИЯ — древняя наука. В средние века называлась алхимией и пыталась превратить металлы и минералы в золото. В настоящее время алхимия разделилась на две самостоятельные науки: собственно химию и самогоноварение.

А. Дядюк, Белая
Церковь.

ХУЛИГАН — существо неразумное, по своему умственному развитию занимающее промежуточное положение между человеком и орангутангом, приближаясь к последнему. В настоящее время Х. является вымирающим видом. Отдельные экземпляры Х. охраняются государством и содержатся в специально отведенных местах.

Л. Акимов, Москва.

СЛОВНИК

Ц

цветолюб
цейтнот
цена
центр (нападения)
цепь
церковь
циклевка
цитата
цифра

Ч

чадра
чаевые
часы
чемодан
чемпион
чернила
чертеж
четвереньки
четвертинка
чин
чиновник

Ш

шаблон
шаман
шапка
шарж
шарманка
шашлык
швейцар
шефство
шкаф
школа
шлепанцы
шпоры
штаны
штат

Щ

щеголь, щеголиха
щит

Э

экран
электрон
эрудит
этикет

Ю

ювелирные изделия
юмор
юриспруденция

Я

язва
язык
ящик

ВАШИНГТОН. Пожалуй, со времен «сухого закона» ни один правительственный декрет *не вызывал в США* столько кривотолков, сколько недавнее решение Вашингтона передвинуть среднеамериканское время на час вперед. Было решено: пусть американцы ложатся спать на час раньше, сберегая драгоценную электроэнергию для нужд Пентагона и военной промышленности.

Итак, стрелки передвинули. Кое-кто на час раньше стал подсчитывать барыши. Но зато на час раньше выстраивались очереди у бирж труда. На час раньше получали сообщения об увольнении рабочие американских заводов. На час раньше американцы узнавали о повышении цен...

Взвесив все «за» и «против», Вашингтон вскоре отменил передвижку времени.

МОНТЕВИДЕО. Уругвай стал страной сплошных нехваток и дефицитов. После прихода к власти «горилл» в мундирах в стране пропало несколько политических партий, сгинул *двухпалатный парламент*, исчезли профсоюзные объединения, канули в небытие молодежные и студенческие организации. А теперь обнаружился еще один дефицит — острая нехватка тюрем. По этой причине было спешно переоборудовано в тюрьму семиэтажное здание мясокомбината «Свифт». Стоявшее в бухте Монтевидео судно «Такома» было снято с якоря и превращено в плавучую тюрьму. Под тюрьму переоборудуются солдатские казармы, общественные здания. А *новая*, с иголочки тюрьма, открытая в департаменте Сан-Хосе, получила звонкое название «Либертад», что означает «Свобода». Однако тюремный дефицит не сокращается. Очевидно, придется президенту Бордаберри и его клике прибегнуть к последнему радикальному средству — опутать колючей проволокой всю страну.

— Это после какого футбольного матча так разделали стадион?

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

Т. ШАБАШОВА

ЖАЛОСТИ ПРОСИМ!

Это, конечно, верно, что сейчас в Америке — 7,5 миллиона безработных и что эта цифра катастрофически растет. В газетах мелькают бесчисленные фотографии очередей к биржам труда. И, конечно, иным сердобольным жаль бедняг, которые в надежде получить хоть какую-нибудь работу, сутками дрожат на холоде, под дождем и снегом.

Хочется спросить: кого жалеете? Неужто вы не слыхали, что есть на этом свете истинные страдальцы, более достойные вашего соболезнования, чем примелькавшиеся безработные! Душераздирающие факты сообщает журнал «Тайм» в статье «УПАДОК И БОГАЧИ».

«Известная в высших кругах супружеская пара перешла от шампанского высшего качества к более дешевым сортам — калифорнийским, которые подают в графинах».

Вот на какие жертвы идут люди во имя экономии! И не только в финансово-экономическом и морально-этическом плане. Это также и желудочно-кишечная жертва. Привыкший к шампанскому высшего качества пищеварительный тракт супружеской пары рискует не выдержать перехода к более низким сортам. Может вспыхнуть отрицательная реакция, возможен летальный исход. Как хочется верить, что этого не произойдет!

«Крупный промышленный магнат с Восточного побережья продал одну из своих яхт».

Мурашки по коже! Отказаться от второй яхты! Но ведь может случиться, что на одной яхте уедут кататься магнатовы дети — что тогда? Куда бедному магнату деться? Сидеть на суше?

«Известная в Бостоне богатая замужняя дама объявила о том, что она решила обходиться без своего еженедельного сеанса массажа».

Жутко даже представить, что происходило в те дни в шикарном особняке дамы!

— О-о-о! — стенали хором личный врач, камеристка, горничная и подавленный массажист.

— Но как же без массажа? — ныл потрясенный муж, заботливо скармливая бедняжке ломтик грейпфрута.

— Вон твоя сестрица сменила «кадиллак» на занюханный «мерседес» и хвалится во всех газетах! Чем я хуже ее? — стояла на своем лежащая.

В двери заглядывали перепуганный управляющий, адвокат, косметолог и мозолист. Шофер, садовник, кучер, повара и бармены переживали за хозяйку, стоя под окнами. Гувернеры и гувернантки прижимали платки к глазам. Дети были в отчаянии. Мажордом — в миноре.

«В доме миллионерши Эльзи Поллак, живущей в Лос-Анджелесе, во время званых обедов гостям подают дешевый красный стручковый перец».

Стручковый пе... О! Каждый, в ком бьется сострадательное сердце, не замедлит прослезиться от такого сообщения. Вообразите: респектабельный дом, где все — начиная от вышколенного дворецкого и кончая половичком для вытирания ног — сама изысканность, и вдруг этот грубый овощ! В хижине мексиканского батрака место этому паршивому стручку! Но чего не сделаешь ради экономии?!

«Другая богатая хозяйка, — пишет далее «Тайм»,— **заменила в своем доме живые цветы на искусственные».**

И это, конечно, еще цветочки! Потому что, как сообщает далее «Тайм»:

«В Вашингтоне богатые люди сокращают свои расходы. Они заставляют своих детей помогать подавать на стол, обходясь при этом двумя официантами вместо четырех».

Двумя официантами вместо четырех! Вот они, чудовищные цифры, которые вопиют сами за себя! В свете этих ужасающих фактов как дико выглядят те самые сердобольные чудаки, которые жалостливо хлюпают носами при виде заурядного фото безработных, стоящих в очереди за миской похлебки. И это в то время, когда несчастные миллионеры сбиваются с ног, мотаясь с подносами на кухню и обратно, потому что стоические обходятся двумя официантами вместо четырех! Перед лицом этих лишений хочется сорвать шляпу, коленопреклониться, запеть псалом.

И разве только один маленький утешительный фактик удалось почерпнуть из той же статьи в «Тайме».

«Чем больше они говорят о своей бедности, тем больше тратят денег», — сказал о своих собратьях миллионер, живущий на шикарной Парк Авеню.

Немного полегчало и от сообщения торговцев «роллс-ройсами».

«Продажа автомашин, — заявили они,— **идет быстро, как всегда».**

Сняла камень с души знаменитая ювелирная фирма Тиффани:

«Продажа золотых цепочек, украшенных бриллиантами, идет успешно».

Да и как не порадовать себя новеньким «роллс-ройсиком» или диадемкой от Тиффани, когда жизнь так беспощадна, что приходится отказываться от массажа и обходиться двумя официантами вместо четырех!

Укротитель на пенсии.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ПАМЯТИ СТАРШЕГО ТОВАРИЩА

Так случилось: очередная подборка материалов в этом номере, посвященных великой Победе, была уже сверстана, и мы знали, как порадуется автор рассказа «Наши вечера», увидев свое произведение «воскресшим» на страницах того же самого «Крокодила» спустя тридцать с лишним лет... Но пришла скорбная весть: Григорий Ефимович Рыклин скончался.

Старейшего писателя-сатирика, ветерана нашей журналистики можно по праву назвать патриархом советских фельетонистов.

Григорий Ефимович Рыклин прошел долгий и многотрудный жизненный путь, целиком отданный любимому делу.

Он родился в 1894 году, в селе Литовске, Стародубского уезда (ныне Брянской области). В 1918 году начал работать в местной газете, затем работал в Гомеле в «Полесской правде», «Новой деревне». В 1920 году вступил в партию.

С 1924 года Г. Е. Рыклин работал в отделе печати ЦК партии, затем в «Известиях», в «Правде», «Крокодиле».

В эти первые годы становления нашей сатирической публицистики он был одним из ведущих зачинателей жанра нового, советского фельетона.

В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы Г. Е. Рыклин был главным редактором «Крокодила».

Миллионы читателей с удовольствием встречали боевые, гневные, всегда начиненные смехом фельетоны Г. Рыклина, его юмористические рассказы, согретые доброй улыбкой.

Это была настоящая, добротная литература, рассчитанная на самого широкого читателя — от юного комсомольца до маститого академика. Писатель смело обращался к новым темам и явлениям, рождаемым самой жизнью, он умел и строго судить, и мягко шутить, и заражать своим оптимизмом, бодростью, верой в человека необъятную читательскую аудиторию.

До последних дней жизни Григорий Ефимович оставался жизнелюбивым, деятельным, полным творческих замыслов,— таким, каким мы привыкли видеть его многие годы.

Прощаясь с выдающимся мастером сатиры, писателем, публицистом, редактором, человеком веселой и щедрой души Григорием Ефимовичем Рыклиным, чтим память нашего старшего товарища словами искреннего уважения и благодарности.

КРОКОДИЛЬЦЫ

Крокодил помог

«РЕПОРТЕР ИДЕТ ПО СЛЕДУ...»

В фельетоне Вл. Митина под таким названием, опубликованном в № 27 за 1974 год, говорилось, что на станции Почеп, Брянской области, была брошена уйма народнохозяйственных грузов. Это привело к большим убыткам. Расследование, начатое репортером журнала, было плодотворно закончено Почепским РК КПСС. О чем первый секретарь райкома тов. А. Шереметьев сообщил в редакцию «Крокодила» следующее:

«...На станции Почеп имелось невывезенных грузов в количестве 2 350 тонн. Особенно много было не вывезено организациями: ПМК-260, СМУ-28, совхозами «Пятилетка», «Трудовик», райпотребсоюзом, хлебозаводом и другими...

Проверкой установлено, что в результате безответственного отношения администрации совхозов «Кульневский» и «Почепский» государству нанесен материальный ущерб. Так, с 1972 года не вывезены совхозом «Кульнёвский» доильная установка УДС-3 и комплект вентилируемых бункеров. Совхозы «Почепский» и «Ударник» не обеспечили вывоз 48 тонн торфобрикета и 30 тонн соли в брикетах.

Этот вопрос рассмотрен на бюро райкома КПСС. За халатное отношение к вывозке и необеспечение сохранности прибывшей в адрес совхоза «Кульневский» сельскохозяйственной техники директору совхоза, члену КПСС тов. Воробьеву М. П. объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. За несвоевременную разгрузку и вывозку грузов со станции Почеп руководителям ПМК-260, СМУ-28, райпотребсоюза тт. Пугачеву Л. И., Панасенко Н. Е. и Шумейко А. И. объявлены выговоры.

Районным комитетом народного контроля на директора совхоза «Ударник» тов. Пустовалова Н. М. произведен денежный начет в размере месячного оклада.

Прокуратурой района возбуждено уголовное дело. Ведется следствие, и виновные лица, допустившие порчу материальных ценностей, будут привлечены к строгой ответственности».

ОШИБКА ИСПРАВЛЕНА

У З. Ф. Расторгуевой есть все основания гордиться сыном, который уехал строить Байкало - Амурскую магистраль. Однако не обошлось без огорчения. Правление колхоза «Вперед», Новозыбковского района, Брянской области, после отъезда сына З. Ф. Расторгуевой уменьшило ей приусадебный участок, что и вынудило ее написать в «Крокодил».

Новозыбковский райисполком сообщил редакции, что правлению колхоза «Вперед» указано на допущенную ошибку. Приусадебный участок будет сохранен в прежнем размере.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Человек купил подержанный автомобиль.

— Вы заплатили значительно больше, чем он стоит,— сказал ему друг.

— Я знаю,— ответил покупатель,— но в настоящее время я занят тем, что продаю торговцу автомобилями кое-какую недвижимость, и я хотел, чтобы он подумал, что я дурак.

●

Один шотландец говорит другому:

— Ты знаешь, что японцы делают с корками от бананов?

— Нет.

— Заплатишь за мой кофе, если я скажу тебе?

— Согласен.

— Они поступают так же, как мы: выбрасывают их.

«Штерн», ФРГ.

— Считайте, что я дал вам пощечину.

«Пари-матч», Франция.

— Так как же, мистер Смит, согласны вы занять пост, который мы вам предлагаем?

«Скотсмен», Англия.

«Дикобраз», Чехословакия.

«Остен», Югославия.

— Только после моей смерти мир поймет, что он потерял!

— У тебя такие крупные долги?

●

— Зачем ты держишь в кабинете золотых рыбок?

— Так приятно иметь хоть кого-нибудь, кто открывает рот и не просит при этом о прибавке жалованья.

●

— Официант! Этот бифштекс, наверное, из конины: он такой жесткий, что его невозможно разрезать!

— Вы ошибаетесь, синьор, коня уже съели,— этот бифштекс из телеги!

●

Один голливудский ребенок говорит другому:

— У меня новый папа, и он очень знаменитый. Его зовут Рок Булл.

— Ах, этот! — замечает другой мальчик.— Он ничего. Он был моим папой еще в прошлом году.

●

— Жан, в будущем году исполнится двадцать пять лет нашего брака. Хочешь ли ты отпраздновать серебряную свадьбу?

— Может быть,—сказал муж,— подождем лучше еще пять лет и отпразднуем тридцатилетнюю войну?

●

Сверху вниз падает парашютист, у которого не раскрылся парашют. Мимо него, снизу вверх, проносится человек.

— Простите, мсье — успевает крикнуть парашютист,—я на аэродром попаду?

— Не знаю, я сам с порохового склада.

●

Молодая женщина беседует со своей подругой:

— Понимаешь, дорогая, у меня страшная дилемма: он недостаточно богат, чтобы я вышла за него из-за денег, и недостаточно беден, чтобы я вышла замуж по любви!

ГЕЛИ (ГДР)

Неинтересные люди

Пара, которая только что села в автобус, показалась мне знакомой. Незаметно присмотревшись, я увидел, что это были Ута-Улла и Удо-Отто. Семь лет назад я гулял на их свадьбе. Женились они по любви, хотя дураками их не назовешь.

— Ута-Улла, Удо-Отто! — обратился я к ним.— Как ваша любовь? Родители все еще сердятся?

— О, нет,— улыбнулась Ута-Улла,— как только я родила своего первенца, они сразу сменили гнев на милость и примчались к нам.

— Вот они, деторождения горькие плоды,— сказал я.— У вас еще есть дети?

— Теперь четверо.— Удо-Отто загнул четыре пальца на левой руке.

— Четверо! — удивился я.— Как можно так часто повторять одну и ту же ошибку?

— Это не ошибка.— Ута-Улла вроде бы обиделась.— Мы так хотели.

— Ладно, ладно,— примирительно сказал я.— Вы теперь многодетная семья, а это имеет свои преимущества. Зато с разводом вам будет, пожалуй, потрудней.

— Кто говорит о разводе? — воскликнули оба почти одновременно.

— Кто не говорит о разводе? — возразил я.— Вы женаты семь лет. Сколько это может продолжаться? Вы ведь не молодеете, а кому вы нужны будете через несколько лет? Видать, о будущем вы вовсе не думаете...

— Мы не будем разводиться! — заявил Удо-Отто с тем ослиным упрямством, которое неприятно поразило меня еще на свадьбе.

— Ну, ну,—пожал я плечами.— Вы же интеллигентные люди и всегда сумеете найти причину для развода. Скажем, непреодолимую взаимную антипатию или что-то в этом роде, а?

— Ничего подобного! — глупо усмехнулась Ута-Улла.— Мы как раз испытываем непреодолимую взаимную симпатию.

— При чем тут симпатия? Как можно так долго тянуть семейную лямку — это мрачное средневековье, этот феодализм?.. Каждый подумает, что вы ненормальные. А что говорят ваши друзья?

— Ничего,— ответила Ута-Улла.

— Видите! — проникновенно продолжал я.— Вы для них совершенно неинтересны. Кончайте плодить детей и придумайте что-нибудь для развода. Удо-Отто еще вполне в состоянии создать новую семью с другой женщиной.

— Он не хочет,— ответила Ута-Улла.

— Мало ли что не хочет. Весь мир занят борьбой с семейным кризисом, а вы думаете остаться в стороне? Вы что, лучше всех? Зазнайки — вот вы кто! Ну, мне выходить. Подумайте над моим советом!

Недавно я их снова встретил.

— Мы развелись! — ликовали они.

— Приятно слышать.— Я от всей души пожал им руки.— Так, значит, семейный вопрос вы решили, теперь вам предстоит разменять квартиру?

— Ничего подобного,— сказал Удо-Отто.—Мы будем жить вместе.

— Что это значит? — удивился я.

— Мы развелись для того только, чтобы нас не считали старомодными,— объяснила Ута-Улла.— А вообще-то мы продолжаем жить вместе, потому что нам очень хорошо друг с другом. Так что и волки сыты и овцы целы.

Потрясенный, я отвернулся от них. Им невозможно помочь. Эти закоснелые люди совершенно не чувствуют духа времени.

Перевел М. ЗАК.

●

На автобусной остановке стоит человек. Рядом с ним зеленый крокодил. Подходит автобус.

— Я на этом не поеду, хочу на другом,— говорит крокодил.

Подходит другой автобус.

— А я на этом тоже не хочу,— хнычет крокодил.

— Ну, вот что,— не выдерживает человек,— если ты не прекратишь свои капризы, я сейчас же протрезвею, и ты исчезнешь!

●

— А вы знаете, что в нашем городе азартные игры запрещены? — говорит шериф известному шулеру.

— Помилуйте, сэр, когда я играю, никакого азарта быть не может: результат известен заранее. Я ведь всегда выигрываю...

«Нью-Йоркер», США.

КРОКОДИЛ

№ 8 (2126)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, Ю. Ерофеев, В. Мохов, Ю. Черепанов, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25/II 1975 г. А 00791. Подписано к печати 7/III 1975 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,51 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз (1-й завод: 1 — 3 507 080). Изд. № 743. Заказ № 309.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Ах, всюду деньги...

Когда-то считалось, что с деньгами все ясно: если они есть, то они есть, а нет — значит, нет.

Но современные финансовые чудеса на буржуазном Западе показывают, что далеко не так уж все просто с презренным металлом: с одной стороны, его вроде куры не клюют, а с другой стороны, в сейфах гуляет тревожный ветерок.

Ну, к примеру, по самым трезвым подсчетам, в США количество банкротств в нынешнем финансовом году побьет все исторические рекорды страны — разорятся 231 660 фирм и банков. Половина из них уже объявила о собственной кончине и распродает с молотка последние корзины для бумажного мусора.

Ясно, что эти банки-банкроты могут помочь больной экономике, как мертвому припарки.

Но есть другие банки, которым не хватает стальной тары для складирования поступающих дензнаков. И есть казначейство, подвалы которого туго набиты золотыми налоговыми кирпичами. И пока безутешный разорившийся вкладчик рвет на своей голове остатки волосяного покрова, а безработные толпятся на бирже труда, ощупывая в кармане последние центы, иностранные друзья правящих кругов США купаются в финансовой благодати. За минувший финансовый год, к примеру, израильские агрессоры получили из американской казны 2,5 миллиарда долларов на новое вооружение. Не могут пожаловаться на отсутствие внимания со стороны заморских монополий и расисты ЮАР и Родезии.

Подытожим: деньги на буржуазном Западе имеются. Но смотря у кого и для чего.

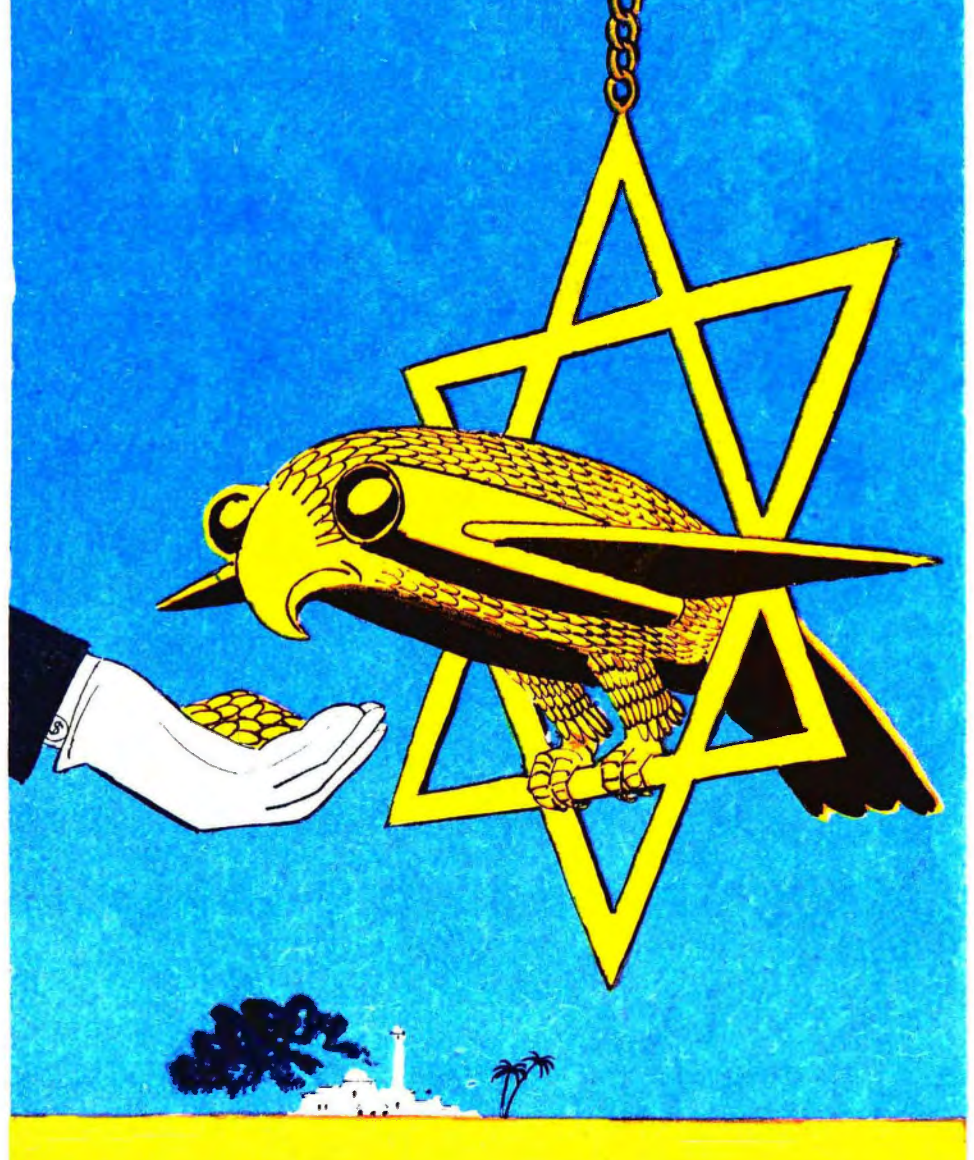

В ДВЕ ЛУЗЫ

Рисунок А. КРЫЛОВА

ЛЮБИМЫЙ ЯСТРЕБ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Так мы не вылечимся: банки лопаются.

Рисунок Бориса ЛЕО

